

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2016

№ 4

Материалы научной конференции
«Чтение для сердца и разума»: к 250-летию Н. М. Карамзина
12 – 13 декабря 2016 года
Калининград

Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2016

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2016
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2016.
72 с.

Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением редсовета
и редколлегии

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, профессор, ректор БФУ им. И. Канта (Россия, Калининград) — председатель;
М. Е. Швыдкой, д-р искусствоведения, профессор, зав. кафедрой государственного управления в сфере культуры факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва) — сопредседатель;
Ф. Апанович, д-р филол. наук, профессор, прорекан филологического факультета Гданьского университета (Польша, Гданьск); *М. Н. Громов*, д-р филос. наук, профессор, зав. сектором истории русской философии РАН, проректор Государственной академии славянской культуры (Россия, Москва); *И. Н. Данилевский*, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории НИУ ВШЭ (Россия, Москва); *Л. А. Кудрявцева*, д-р филол. наук, профессор Киевского национального университета им. Т. Шевченко, президент Украинской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, член Президиума МАПРЯЛ (Украина, Киев); *Г. Кундротас*, д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Вильнюсского педагогического университета (Литва, Вильнюс); *Б. Н. Тарасов*, д-р филол. наук, профессор, ректор Литературного института им. А. М. Горького (Россия, Москва); *Б. Ханзен*, д-р филол. наук, профессор, директор Института славистики Регенсбургского университета (Германия, Регенсбург)

Редакционная коллегия

Г. И. Берестнев, д-р филол. наук, профессор (ответственный редактор);
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, профессор;
А. И. Васкиевич, канд. филол. наук, доцент;
В. И. Гальцов, канд. ист. наук, доцент;
В. И. Повилайтис, д-р филос. наук, доцент;
А. Н. Черняков, канд. филол. наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

«СОТВОРЕНИЕ КАРАМЗИНА»: БИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В РЕТРОСПЕКТИВЕ

<i>Ranofsky G. Karamzin, Kant, and Lavater – Intersecting Biographies</i>	7
<i>Гильманов В. Х.</i> Голос истории и политика: к проблеме действенно-исторического сознания в современной истории в свете историографии Н. М. Карамзина.....	17

«ПОСЛЕДНИЙ ЛЕТОПИСЕЦ»: РОЛЬ КАРАМЗИНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

<i>Полх П. П.</i> Н. М. Карамзин и «византийская версия» происхождения российского герба.....	31
<i>Кретинин Г. В., Крюков А. И.</i> Н. М. Карамзин: к истории использования документов Кёнигсбергского архива в работе над «Историей государства Российского»	39
<i>Сергеев В. В.</i> Английская тема на страницах журнала «Вестник Европы» Н. М. Карамзина в 1802–1803 годах	49
<i>Манкевич Д. В.</i> Новые и «старые» источники в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.....	56
<i>Жданович Л. Н.</i> Н. М. Карамзин о воспитании и образовании в России.....	63
<i>Об авторах</i>	71

CONTENTS

CREATION OF KARAMZIN: BIOGRAPHY OF THE INTELLECTUAL IN RETROSPECTIVE

<i>Panofsky G.</i> Karamzin, Kant, and Lavater – Intersecting Biographies.....	7
<i>Guilmanov V.</i> The voice of history and the politics: On the issue of effective historical consciousness in modern history in the light of N. Karamzin’s historiography.....	17

THE LAST CHRONICLER: ON THE ROLE OF N. KARAMZIN IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY AND POPULAR THOUGHT

<i>Polkh P.</i> N. M. Karamzin and the "Byzantine version" of the origin of the Russian coat of arms	31
<i>Kretinin G., Kryukov A.</i> N. M. Karamzin: On the History of Using the Koenigsberg Archives in his Work on the History of the Russian State.....	39
<i>Sergeev V.</i> The English Theme on the Pages of N. M. Karamzin's Messenger of Europe (Vestnik Yevropy) in 1802–1803	49
<i>Mankevich D.</i> New and “Old” Sources in N. Karamzin's History of the Russian State	56
<i>Zhdanovich L.</i> N. M. Karamzin on upbringing and education in Russia.....	63
<i>The authors</i>	71

**«СОТВОРЕНИЕ КАРАМЗИНА»:
БИОГРАФИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛА
В РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Karamzin was correct though that the two scholars had corresponded, but their exchange had taken place thirteen to fifteen years earlier. As far as preserved, Lavater had written to Kant from Zürich twice in 1774 and once in 1776, and Kant had sent a long epistle on the difference between Christ's teaching and the written record there of to Lavater from Königsberg on April 28, 1775. Lavater had first approached Kant under the pretext of asking his help in redeeming a young Swiss guy, who got recruited into the Prussian army in Königsberg.

Gerda Panofsky

...В Карамзине был голос того, что выше юридического закона, что согласно риторике Тадамера являет в конечности исторической единичности бесконечность целого и что напрямую имеет отношение и к тайне исторической событийности: это — голос истины Провидения, каковая всегда больше беспристрастности земного суда и в православном самодержавном государстве доверена самодержцу.

Владимир Гильманов

Gerda Panofsky
(Princeton, New Jersey)

KARAMZIN, KANT, AND LAVATER — INTERSECTING BIOGRAPHIES

In his "Letters of a Russian Traveller" Karamzin left a detailed account of his visit to I. Kant in Königsberg on June 18, 1789. Published in 1791, his report is important as the first printed mentioning of Kant in Russian. Karamzin was looking forward to meet J. K. Lavater in Zürich, with whom he had already corresponded for three years, but Kant warned him of Lavater's excessive imagination, which let him believe in dreams and magnetism. Lavater's 'Schwärmerei' was above all attacked by the publishers F. Nicolai and J. E. Biester, whom Karamzin would soon come in touch with in Berlin. The young traveler was appalled by the caustic tone of the debate among philosophers, who considered themselves enlightened and ought to be tolerant toward dissenters. Aside from contemporary pamphlets, the correspondence between Lavater and Kant (published in 1900) and between Karamzin and Lavater (published in 1893) reveals their mutual respect, but also their profound differences in opinion.

Key words: N. M. Karamzin, Königsberg, I. Kant, J. K. Lavater, Enlightenment, F. Nicolai, J. E. Biester, J. M. R. Lenz, Magnetism, Lavater's correspondence with Kant and with Karamzin.

*I*n 1789, on the 18th of June, the twenty-three years old Karamzin arrived with the diligence from Tilsit at 7 o'clock in the morning in Königsberg [6, p. 19]. It was a Thursday, and on Friday the town got ready for the annual fair. Such fairs were held at the feast-day of the city's patron saint, and Königsberg's cathedral was consecrated not only to the Virgin Mary, but also to St. Adalbert, whose death in 981 is commemorated on the 20th of June.

The coaches stopped at the Post Office on the market square behind the Royal Castle in the Altstadt [1, S. 81]. Karamzin took lodging for one night “в трактире у Шенка”, the inn “Bey Schenck” owned by Johann Philipp Schenck in the Kehrwiedergasse [1, S. 29], just around two corners of the postal station. After eating at the *table d’hôte*, where the loud and coarse talking of Prussian officers and captains annoyed him, Karamzin hurried to pay his respects to Immanuel Kant (1724–1804) [6, с. 20–21], then a 65 years old bachelor living with a man-servant and a female cook at Prinzesin-Strasse No. 3, – a short walk from his inn.

Karamzin called Kant’s house a “маленький домик”, although it had two stories with five window axes. Built in the seventeenth century, Kant had bought it for 5,500 guilders from the widow of the painter Johann Gottlieb Becker (1720–1782), who had portrayed him, on December 30, 1783 [2, S. 102–103]. On the lower floor were Kant’s lecture room (for the professors taught in their homes) and the cook’s quarters, and on the upper floor the dining room, his bedroom and library as well as his study [4, S. 179]. Since Karamzin asserts in his *Письма русского путешественника* that “смелость города берет – и мне отворились двери в кабинет его” [6, p. 20], we may assume that taking the domestics by surprise he had stormed upstairs and knocked on the door of Kant’s study. He described the interior as sparsely furnished (“приборов не много. Все просто” [6, с. 21]), as is confirmed by other contemporaries [13, S. 254]. Kant’s study had only a desk, a chest of drawers, a few chairs, and two tables laden with manuscripts and books. The walls were so blackened by the candles and the smoke of Kant’s pipe that one could write with a finger on them [13, S. 316, 320]. A portrait, an engraving, of Jean Jacques Rousseau was the only decoration [4, S. 180–181].

Karamzin had approached the house with the late Moses Mendelssohn’s image in mind of the “alles zermalmende... то есть всесокрушающий Кант” [14, S. 2], and was perplexed to come upon a “маленькой, худенькой старичек, отменно белый и нежный” [6, с. 20]. A colored pencil drawing (Dresden, Kupferstichkabinett) by Veit Hans Schnorr von Carolsfeld (1764–1841) faithfully portrays the Professor of Logic and Metaphysics, how he looked in 1789. Kant spoke fast, with a low voice, and not intelligibly, so that Karamzin had to strain his ears [6, с. 21]. Further aggravating was for him the circumstance that Kant’s colloquial speech was using vocabulary and pronunciations of the local dialect [4, S. 60].

Surprising is not only the fact that the young stranger, who arrived unannounced and, as he confessed, without any letter of recommendation, got

a three hours' private audience with the distinguished philosopher, but also that he was graciously received at a time, when Kant usually entertained lunch guests, often till 6 o'clock, and then went out for a walk [4, S. 164], – habits, he strictly adhered to.

In the course of the conversation, which ranged from China to the nature of man, Karamzin learned of two essays by Kant, which he had not seen yet, and whose titles his host jotted down for him. While the “*Critik der practischen Vernunft*” had only recently, in 1788, been brought out by Hartknoch in Riga and it was thus pardonable not to have been aware of it yet, the *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten* had already been published in 1785. When Karamzin praised Kant's metaphysics, he was referring to his *Critik der reinen Vernunft* of 1781 and his *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik* of 1783.

Kant remarked to Karamzin that his writings could not please everyone, as few were appreciating metaphysical subtleties. Even Wieland, whom Karamzin saw later in Weimar, scarcely racked his brains about Kant's metaphysics [6, c. 76]. Indeed Kant had been hurt that almost nobody had understood his *Critik der reinen Vernunft* [18, p. 9–10], therefore the admiration of the young Russian must have lifted his spirits. Karamzin did not doubt that as far as the philosophers were concerned, compared with Kant in Königsberg Plato was an infant [6, c. 212]. No wonder then that Kant readily expounded for the avid traveler the meaning of moral law and why according to reason there should be an afterlife [6, c. 20–21].

Since during his stay in Königsberg Karamzin discussed his itinerary with a French dentist and a group of Prussian officers, it can be taken for granted that he also mentioned his intention to go from here to Berlin and later on to Switzerland to Kant, especially as in the beginning Kant was chatting with him “о путешествиях” (the appropriate *pièce de conversation* with someone from a foreign land). Thus from Switzerland they came to talk about Johann Kaspar Lavater (1741–1801), the influential, but controversial theologian in Zürich, whom Karamzin revered.

«Он [i. e. Kant] знает Лафатера, и переписывался с ним. ЛаФатер весьма любезен по доброте своего сердца, говорит он: но имея чрезмерно живое воображение, часто ослепляется мечтами, верит Магнетизму и пр[очее]’. – Коснулись до его неприятелей. ‘Вы их узнаете, сказал он, и увидите, что они все добрые люди’» [6, p. 21].

Kant never met Lavater personally, as he lived all his life in Königsberg and not for love or money would leave Eastern Prussia. Lavater in Zürich,

on the other hand, liked to travel, but never got farther east than Berlin and Barth in Swedish Pomerania. The closest contact between the two men occurred, when Kant commended the eighteen-year old Duke Friedrich Karl Ludwig of Holstein-Beck (1757–1816), who had been raised in Königsberg, to Lavater's protection. The young aristocrat left Königsberg in April 1775, arriving in Lausanne in July of that year [3, p. 84–88]. Passing through Zürich, he could give Lavater a first-hand report on the philosopher. Conversely, Holstein-Beck conveyed his impressions of Lavater in a letter to Kant on December 14, 1775 [5, S. 175]. He found the pastor of the Orphanage Church in Zürich most obliging, his conversation instructive, his manners polite and unceremonious. From far and wide people would flock to Zürich to see him and hear him preaching.

Karamzin was correct though that the two scholars had corresponded, but their exchange had taken place thirteen to fifteen years earlier. As far as preserved, Lavater had written to Kant from Zürich twice in 1774 and once in 1776, and Kant had sent a long epistle on the difference between Christ's teaching and the written record thereof to Lavater from Königsberg on April 28, 1775 [5, S. 141–142, 157–159, 167–172, 177]. Lavater had first approached Kant under the pretext of asking his help in redeeming a young Swiss guy, who got recruited into the Prussian army in Königsberg. He had extolled Kant as his favorite writer, as the friend of Herder, as one who was so human and with whom he was sympathetic in many a way ("mein Lieblingsschriftsteller Kant, Herders Freund [...], der so sehr Mensch, Mensch ist, [...] mit dem ich in manchem sympathisire"). He had reproached the philosopher for being silent in this new time, asking, whether he had become dead to the world? As a matter of fact Kant had not published for eight years and would not do so till his *Critik der reinen Vernunft* in 1781. Lavater had also sought Kant's opinion about faith and prayer, in which endeavor he had been thoroughly mistaken. Kant considered it a crime to flatter God and to make confessions out of fear of dying [5, S. 167–168]. He was known to state that it would open the floodgates to *Schwärmerei*, i. e. excessive enthusiasm or sentimentality, if one were to talk to something Invisible [13, S. 96]. When Lavater realized that he had asked the wrong person, he waited nearly an entire year, before thanking Kant for the "informative suggestions" ("lehrreichen Winke"), from which he was dissenting in some pieces ("obgleich ich anders denke in einigen Stücken..."), regretting – twice – not to have time to write more [5, S. 177]. This ended their correspondence.

So what happened in the dozen years afterwards that led Kant to such a negative judgment about Lavater, and who were Lavater's enemies, whom Karamzin would get to know and who according to Kant were all decent people?

Most likely Kant was referring to the proponents of the Enlightenment Nicolai and Biester in Berlin. Indeed, on his second day in Berlin, the 1st of July, 1789, Karamzin was to call on the author and bookdealer Friedrich Nicolai (1733–1811), who lived across the street from his hotel. He greeted Nicolai as “the friend of Lessing and Mendelssohn”, who had advanced the German literature in Russia. Nicolai in turn welcomed him with such courtesy as Karamzin would never have expected from a “Немецкого Ученого и книгопродавца” [6, с. 36–37]. Nicolai had been involved in a nasty controversy in 1787 and 1788, in which among other things he had accused Lavater of “so very fertile imagination and so very oppressed reason” (“so sehr erhöhte Einbildungskraft und so sehr niedergedrückter Vernunft” [15, S. 134]).

Johann Erich Biester (1749–1816) was the librarian of the Royal Library and also the editor of the *Berlinische Monatsschrift*, to which Kant a number of times contributed. He was a devoted and loyal friend of Kant's. Yet Karamzin was disgusted by Biester:

...признаться, сердце мое не может одобрить тона, в котором Господа Берлинцы пишут. Где искать терпимости, есть ли самые Философы, самые просветители — а они так себя называют — оказывают столько ненависти к тем, которые думают не так, как они... Лафатер есть один из тех, которых Берлинцы бранят при всяком случае; и есть ли он у них не совершенный Иезуит, то по крайней мере мечтатель. Я к Лафатеру не пристрастен, и обо многом думаю совсем не так, как он думает; однакожь уверен, что его Физиогномические Фрагменты будут читаемы и тогда, когда забудут, что жил на свете почтенный Доктор Бистер. Но оставим их [6, с. 38].

By the summer of 1789 Karamzin had exchanged letters with Lavater for three years. Lotman included them in his 1984 edition of the *Письма русского путешественника* [6], plus four later notes from 1789 till 1790. Lotman printed them in the original German as well as in Russian translation, the five answering letters from Lavater, however, only in Russian translation. This is especially regrettable in the case of Lavater's letter of June 16, 1787 [16, с. 23], because in the *Письма*, Karamzin quoted (in Russian) a passage from it that he read to a student fellow traveler (in the

original German, of course) on the way to Meissen on July 13, 1789 [6, c. 57, 470]. Apparently for over two years he had carried this precious document in his “записная книжка”. As it turns out, Lotman did not transcribe the autographs, which were probably inaccessible to him during the Cold War, but used the Karamzin-Lavater correspondence as discovered by F. Waldmann and published by the Imperial Academy of Sciences in 1893 [16], (ironically the year, in which Kant’s house in Königsberg was demolished). There Lavater’s letters to Karamzin are printed in the original German too. In addition there is also a long note that Lavater had enclosed for Jakob Michael Reinhold Lenz (1751 – 1792), who had stayed with Lavater in 1777 and was by then, in 1787, Karamzin’s roommate in Moscow [16, c. 11, 63–67]. Apparently Karamzin was unaware that Lenz had studied with Kant in Königsberg from 1768 till 1771, as he did not bring up his name during his conversation with the philosopher in 1789. Since Karamzin’s stay in Königsberg was unplanned, there would have been no reason for Lenz, – leaving his deplorable mental condition aside, – to impress this biographical detail on the Russian traveler.

Compelled by affection and respect, Karamzin had first written to Lavater, in perfect German, from Moscow on August 14, 1786 [16, c. 3, 5, 7, 9]. His style has been characterized as “enthusiastic, rather long, too full of dots and dashes, exclamation points, and rhetorical questions” [7, p. 21]. Longing for a response with the “sentiments of his heart” (“Empfindungen meines Herzens”), Karamzin did not hear from Zürich until eight months later, as the mailing had taken this long. Lavater advised him to read his *Brüderliche Schreiben an verschiedene Jünglinge* (Winterthur, 1782; second edition 1787), which Karamzin promised to do “a thousand times” [16, c. 11, 21]. However, one wonders, whether the unctuous exhortations to pray and to believe in Jesus Christ were to his taste.

Encouraged by Lavater to send him one or two concrete queries, in his second letter of April 20, 1787, Karamzin posed the problem, how our soul is linked to our body, – whether the soul affects the body directly or indirectly [16, c. 17]? He was yearning to understand his own self, how to be more certain of his existence. To his dismay Lavater replied, that nobody “under the moon” could tell, what body and soul were in themselves, and that he was not brooding over the influence of the so-called soul on the so-called body [16, c. 23, 25].

Karamzin reacted with disbelief that the author of the *Physiognomischen Fragmente* [8], who had studied how someone’s character was expressed in his facial features, would not find it necessary to know, how the soul influ-

enced the body [16, c. 33]. Lavater's subsequent long silence pained him so much that he shed tears, whenever he was looking at Lavater's bust and the two letters he had received from him so far [16, c. 35].

At last Lavater briefly apologized in March of 1788 that he had simply been drowned in paper work; moreover Karamzin's questions were not easy to answer [16, c. 37]. Elated, in his last letter from Moscow before his departure for Germany, written on March 15, 1789, Karamzin asked Lavater about nothing less than the universal purpose of mankind [16, c. 47]. Lavater dealt at length with the question "Über Zweck des Daseyns" five months later, on August 19, 1789 [16, c. 49, 51], and the following year even printed his reply in his newly founded Berlin journal [6, c. 121; 10, S. 13–15], which shows how seriously he took his young friend.

In the same letter of March 1789 Karamzin also inquired about magnetism [16, p. 49], which he knew Lavater had investigated. Clearly then, Kant's remark that Lavater believed in magnetism had not astonished him. The Viennese physician Franz Anton Mesmer (1734–1815) had been propagating "animal magnetism" as a healing device, but most scientists rejected his theories. Lavater had been introduced to magnetism and hypnotic sleep in Geneva in 1785 and had tried the cure on his wife and together with his physician brother on other patients as well [9].

How magnetism was ridiculed exactly in the year of Karamzin's travel through Germany, is illustrated by Mozart's opera "Così fan tutte", composed in 1789. In act I Despina uses a giant magnet to resuscitate the pretending "Albanians", the disguised lovers of Dorabella and Fiordiligi. And because he was born in Königsberg and had attended Kant's lectures in 1792, one should also remember E. T. A. Hoffmann's (1776–1822) story "Der Magnetiseur" of 1814, in which Mesmerism is even depicted as satanic.

Karamzin became face-to-face acquainted with Lavater, when he spent sixteen days in Zürich in August of 1789. He inscribed Lavater's *Fremdenbuch*: "Nicolas Karamsin in Moscau in dem Hause des Herrn Pleschtscheew auf Twerskaja, den 12ten Aug[ust]" [11, S. 127]. He had been disconcerted not to be as effusively received as he thought he deserved. After initial embraces, Lavater had gone about his business, leaving Karamzin alone to look at books in his cabinet [6, c. 106–107]. Also the following day Lavater did not bother about his Russian disciple, as he was beleaguered by visitors and alms seekers. Then on the third day (the day Karamzin signed the *Fremdenbuch*) Lavater invited him to an outing in a nearby village, but the seven and a half kilometers' hike over a steep mountain in the summer heat utterly tired Karamzin [6, c. 110]. On the sixth day, Lavater proposed that

Karamzin should translate selected works of his into Russian. Karamzin agreed by handshake, but remained skeptical whether such a publication would find any readers in Russia [6, c. 115–116]. Nevertheless till the end of 1790 Karamzin kept asking for the excerpts to be translated into Russian in his *Московской Журнал*, but Lavater did no longer pursue the project. Despite the frustrations, Karamzin's esteem of Lavater had grown steadily. Eventually he had seen him daily, dined and promenaded with him, and he had admired his pastoral care.

Karamzin had missed one Sunday sermon by Lavater, when he was returning too late from his excursion to the Rheinfall at Schaffhausen, but he heard him preaching from the pulpit of the Petri Church the next Sunday, August 24, 1789 – and was not impressed. According to him, the entire sermon could have been summarized in only one sentence. He mocked Lavater's routine to prepare his sermons during a single Saturday evening hour, which should not be difficult, if they all followed this same model [6, c. 123].

Lavater's literary bequest is kept at the Zentralbibliothek Zürich [12]. He saved not only the hundreds of letters he received, but also manual copies of those he sent out. According to the Zürich inventory there survive at least 13 letters (not 11 as in the Waldmann / Lotman editions) by Karamzin to Lavater, and 6 (not 5) letters by Lavater to Karamzin. Also Lavater's secret diaries are archived there, still unpublished. They range from June 1786 to January 1789 [17, S. 127], i. e. they end half a year before Karamzin's arrival in Zürich, so that unfortunately they contain nothing about the Russian traveler.

Understandably there is no trace of the Königsberg episode in Kant's papers, except that allegedly Kant had entered Karamzin's name into his “карманную книжку” [6, c. 21]. Kant and Karamzin never corresponded. The only records of their encounter are the *Письма русского путешественника*. Printed in 1791, in the February issue of volume I of the *Московской Журнал*, they are the very first mention in print of Kant in Russian.

Refereces

1. *Adres-Calender vom Königreich Preussen... auf das Jahr 1784 // Sonderschriften des Vereins für Familienforschung in Ost-und Westpreussen e. V. № 8. Hamburg, 1968.*
2. *Boetticher A. Die Bau- und Kunstdenkmäler in Königsberg. Königsberg, 1897.*

3. Döring H. Friedrich Karl Ludwig, Herzog von Holstein-Beck // Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste. Vol. 50. Leipzig, 1849. S. 84 – 88.
4. *Jachmann R.B.* Immanuel Kant, geschildert in Briefen an einen Freund. Königsberg, 1804.
5. *Kant's* gesammelte Schriften // Königlich Preußische Akademie der Wissenschaften. Vol. 10. Berlin, 1900.
6. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Ленинград, 1984.
7. *Kochetkova N.* Nikolay Karamzin. Boston, 1975.
8. *Lavater J.K.* Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntnis und Menschenliebe. Leipzig, 1775 – 1778.
9. *Lavater J.C.* Rechenschaft an seine Freunde (An meine Freunde über Magnetismus, Cagliostro, geheime Gesellschaften und Nichtchrist Atheist). Winterthur, 1786.
10. *Lavater J.K.* Antworten auf wichtige und würdige Fragen und Briefe weiser und guter Menschen, I. Berlin, 1790.
11. *Lavaters Fremdenbücher J.C.* Faksimile-Ausgabe Band 2 („II für liebe Freunde vom 7. November 1786 bis 16. Oktober 1789“). Mainz, 2000.
12. *Johann Caspar Lavater (1741 – 1801).* Verzeichnisse der Korrespondenz und des Nachlasses in der Zentralbibliothek Zürich. Zürich, 2007.
13. *Malter R.* Immanuel Kant in Rede und Gespräch. Hamburg, 1990.
14. *Mendelsohn M.* Morgenstunden oder Vorlesungen über das Daseyn Gottes. Berlin, 1786.
15. *Nicolai F.* Öffentliche Erklärung über seine geheime Verbindung mit dem Illuminatenorden nebst beyläufigen Digressionen betreffend Hrn. Johann August Stark und Hrn. Johann Kaspar Lavater. Berlin ; Stettin, 1788.
16. *Переписка Карамзина съ Лафатеромъ 1786 – 1790* // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. 1893. Ч. LIV, № 5.
17. *Schönborn S.* Das Buch der Seele. Tagebuchliteratur zwischen Aufklärung und Kunstperiode. Tübingen, 1999.
18. *Schultz J.* Erläuterungen über des Herrn Professor Kant Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1784.

Герда Панофски

КАРАМЗИН, КАНТ И ЛАФАТЕР – ПЕРЕСЕЧЕНИЕ БИОГРАФИЙ

В «Письмах русского путешественника» Карамзин подробно описывает свое пребывание у Канта 18 июня 1789 года. Его запись, опубликованная в 1791 году, важна тем, что имя великого немецкого философа впервые упоминается в русской печати. В разговоре с Кантом Карамзин говорил о долгожданной предстоящей встрече

в Цюрихе с И. К. Лафатером, с которым он переписывался уже три года. А Кант предостерег его, указывая на чрезмерное воображение Лафатера, вследствие чего он верит снам и магнетизму. «Мечтательность» Лафатера еще резче осуждают издатели Ф. Николай и И. Е. Бистер, с которыми Карамзин вскоре познакомится в Берлине. В переписке Лафатера с Кантом, опубликованной в 1900 году, и с Карамзиным, опубликованной в 1893 году, при всей разнице во взглядах чувствуется и обоюдное почитание.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, И. Кант, И. К. Лафатер, Ф. Николаи, И. Э. Бистер, Я. М. Р. Ленц, магнетизм, Просвещение.

Владимир Гильманов
(Калининград)

**ГОЛОС ИСТОРИИ И ПОЛИТИКА:
К ПРОБЛЕМЕ ДЕЙСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ
В СВЕТЕ ИСТОРИОГРАФИИ Н. М. КАРАМЗИНА**

Выявляется актуальность историко-провиденциального метода Н. М. Карамзина в контексте философской герменевтики Х.-Г. Гадамера. Показана правомерность обращения к историографической методологии Карамзина на фоне все еще противоречивой динамики российской истории с ее характерными признаками двоемирия, двоеверия, смутности в отношении своего места в мире. Отмечена глубокая связь идейной основы историографии Карамзина со всей еще незавершенным поиском русской идеи.

Ключевые слова: историческая наука, герменевтика, действенно-историческое сознание, Провидение, совесть, декабристы, русская идея.

1. Проблема истории и действенно-историческое сознание

Проблема действенно-исторического сознания наряду с введением самого термина рассмотрена в трактате Х.-Г. Гадамера «Истина и метод» и толкуется в аспекте того, каким образом «история настигла и определила нас». Согласно Гадамеру, история «настигает» каждого из нас, но ее толкование и в конечном счете понимание начинаются с вопрошания со стороны тех, кого она «настигает». И от того, как сложится понимание, зависит будущее бытия, поскольку то, что именуется реальностью, есть, согласно герменевтике, функция от понимания.

Герменевтика истории Гадамера не раз подвергалась суровой критике со стороны представителей позитивистской и материалисти-

ческой науки прежде всего за его попытку доказать, что логика естественных наук не смеет претендовать на методологию философии истории, поскольку исторический опыт, доступный герменевтическому методу философии, нельзя верифицировать средствами научной методологии сциентизма. В какой-то степени философ признает даже определенную ограниченность дискурсивного разума в познании реального мира истории: нужно еще что-то, что Гадамер связывает со своими надеждами на образование, развитие вкуса, интенсификацию интуиции для того, чтобы постичь историю не отстраненно-формальным образом, а изнутри, в ее «жизненности», настаивающей нас в нашем настоящем. То, «что является жизненным... и действительным, — пишет он, — в действительности никогда не познается предметным сознанием, напряжением разума, который стремится проникнуть в закон явлений. Жизненное — не такого свойства, чтобы можно было извне достичь постижения жизненности. Напротив, единственный способ постичь жизненное — это постичь его изнутри» [2, с. 304].

Это «постичь изнутри» уже довольно близко к интуиции Н. М. Карамзина о соотношении исторического процесса и того, что он не раз в своем творчестве именуется Провидением, призывая современников не ограничиваться фактологией истории, а соотносить ее голос, звучащий в Провидении, со своим неизбежным включением в историю. Интуиция Карамзина близка к границе соотношения конечности единичного и бесконечности целого, что было парадигмально важно для Гадамера в его герменевтике истории. По Гадамеру, без эмоционально-психологического и действенно-продуктивного приобщения к истории, к ее «жизненности» истории грозит опасность «омертвления». Но не принимая откровенного субъективизма предшественников в герменевтической традиции — Ф. Шлейермахера, В. Дильтея и других, — Гадамер требует не герменевтического восстановления «умершего смысла» исторического события за счет «вчувствования», а продуктивной активности в отношении к истории. Подлинное понимание не является не только репродуктивным, но требует постоянного учета, например, исторической дистанции, обстоятельств исторической событийности, но самое главное — проникновения в характер действенно-исторического взаимодействия между историческим прошлым и настоящим. Гадамер требует сближения и в идеале — «слияния горизонтов» истории и исторически обусловленной современности, главным препятствием для чего является то, что в своей исторической обусловленности историк и его современники всегда маркированы «проклятием предположения», предрассудками с их, по Гадамеру, противоречивой природой.

Для истины истории в настоящем «должен вступить в дело опыт исторической герменевтики, — подчеркивает Гадамер. — Преодоление всех предрассудков, это наиболее общее требование Просвещения, само разоблачает себя в качестве предрассудка, пересмотр которого впервые открывает путь для правильного понимания той конечности, которая господствует над нашим человеческим бытием, но и над нашим историческим сознанием» [2, с. 328]. Предрассудки неизбежны, объективны в обусловленности историей, но ложные предубеждения могут стать проклятием для потомков. Избавление от них возможно только при постоянном диалоге с историческим преданием, традицией, которые обращаются к каждому «Я» как некое «Ты». Настоящий исторический предмет, по Гадамеру, — это не предмет в привычном смысле, а единство этого Я и Ты, диалогическое отношение, в котором заключается как действительность истории, так и действительность исторического понимания. В эпицентре этого отношения понимание в своей сути есть действительность истории в настоящем: «Понимание по существу своему является действительно-историческим свершением» [2, с. 355].

2. Историк и цари

Насколько актуальна герменевтика истории Гадамера для феномена Карамзина и его «Истории Государства Российского», особенно в контексте важнейшей для исторической реальности проблемы соотношения исторического опыта и политической воли, прежде всего для воли политической элиты? После таинственной смерти царя Александра I в Таганроге осенью 1825 года Карамзин, полагавший, что царь давно охладел к его советам, писал: «Я ошибся: благоволение Александра ко мне (тогда) не изменилось, и в течение 6 лет мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах. Я всегда был чистосердечен, он всегда терпелив, кроток, любезен неизъяснимо; не требовал моих советов, однако ж слушал их, хотя им большей частью и не следовал...» [8, с. 117]. Этот диалог между историком и царем, между голосом истории и политической властью примечателен и на фоне исторической действительности не только России, но всего мира доказывает роковую глухоту актуальной политики к опыту истории. Вот почему «история мира есть суд над миром» (Шиллер), что, с точки зрения герменевтики Гадамера, отражает перманентную не-встречу между историей и политикой: в попытке понять настоящее так называемое реально-политическое понимание оказывается в итоге герменевтическим убийством не только «жизненности» истории для на-

стоящего, но и самого настоящего. «Цари» не слышат «Ты» истории, подобно тому как не услышал Александр I, а позже и Николай I. Впрочем, не только цари не слышали голос истории в трудах Карамзина, но и многие из его современников, имевших серьезное влияние на общественно-политические настроения. После выхода в 1818 году восьми томов «Истории» Карамзина многие в петербургском свете и исторической науке выступили с критикой. Но вот парадокс: казалось бы, что общего между молодым и мятежным Пушкиным и Карамзиным, но живая душа Пушкина не могла не почувствовать призыв великого историка, обращенный не только к государю, но и к каждому тогда и сейчас: «ответствовать Богу, совести и потомству» [8, с. 68]. Беря под защиту Карамзина от критики московского профессора Каченовского вскоре после выхода «Истории», он пишет: «У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина...» [8, с. 100]. Конечно, упрек молодого Пушкина не совсем объективен, потому что первоначальный энтузиазм в обществе был довольно высок. П. А. Вяземский указывал, например: «Карамзин — наш Кутузов двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в двенадцатом году» [8, с. 100]. И все же спас ли? Не оказалось ли потомство глухо к этому зову о спасении? В лучшем случае Карамзиным восхищались как историческим писателем, но не как серьезным историком, который причащен голосом исторического Провидения, обращенным не только и не столько к прошлому, сколько к будущему.

3. Декабризм и Провидение

Н. М. Карамзин умер 22 мая 1826 года в Петербурге. Там же 13 июля 1826 года в кронверке Петропавловской крепости были казнены пять членов Южного и Северного тайных обществ — декабристы Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский, смертельно ранивший генерал-губернатора Милорадовича во время восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. После казни долго была в России молва: многие не верили тогда, что смертная казнь будет приведена в исполнение, и будь жив Карамзин, ее бы и не было. Но почему? Достоверно известно, что Карамзин, будучи убежденным сторонником самодержавной монархии, зная многих из декабристов — Н. М. Муравьева, Н. И. Тургенева, В. К. Кюхельбекера и других, — в разговорах с ними открыто выступал против их планов революционного реформирования русской жизни, тем более на путях заговора против власти? И все же молва верила в то, что Николай I, ко-

торый и так смягчил приговор Верховного уголовного суда, согласно коему кроме пяти казненных к отсечению головы были приговорены еще 31 участник заговора декабристов, отменил бы повешение пятерых, заменив казнь каторгой. Будь жив Карамзин! Почему?

Коллективное чувство, отразившееся в этой молве, прозревает в нечто, что первостепенно важно для понимания Карамзина и его труда об «Истории Государства Российского»: в Карамзине был голос того, что выше юридического закона, что, согласно риторике Гадамера, являет в конечности исторической единичности бесконечность целого и что напрямую имеет отношение и к тайне исторической событийности: это голос истины Провидения, каковая всегда больше беспристрастности земного суда и в православном самодержавном государстве доверена самодержцу. И поэтому кто знает, как сложилась бы революционная история России, пощади царь декабристов. Когда трое из них при проведении казни сорвались, Провидение, казалось бы, в последний раз попыталось вмешаться, но трое мучеников — Рылеев, Муравьев-Апостол и Каховский — были повешены вторично... Будь жив Карамзин, может быть, он смог бы убедить Николая I проявить милость, доверившись голосу Провидения. Ведь только Карамзин, имевший прямой доступ к государю, только он один дерзнул сказать ему после начала арестов и дознания: «Ваше величество! Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века!» [8, с. 140]. То, что Карамзин причастен к этому голосу, если не знали, то опять же чувствовали даже цари: тот же Николай I, не принявший написанный Карамзиным по просьбе царя после смерти брата Александра I Манифест о вступлении на трон и отклонивший многие его просьбы о милости к арестованным декабристам, сказал В. А. Жуковскому 11 лет спустя после смерти Карамзина в дни похорон Пушкина: «Для Пушкина я все готов сделать, но я не могу сравнить его в уважении с Карамзиным, тот умирал как ангел» [8, с. 145].

4. Герменевтика совести в истории

С точки зрения ангеологии голос ангела в нас — это голос совести. По слову религиозного философа И. В. Киреевского, Карамзин — «чистая совесть нашего народа». Что это значит «совесть»? И разве может быть совесть ключом к тайне Истории? Из опыта прочтения «Истории» Карамзина следует, что история — это не просто фактология, цепь объективно представленных событий: за фактом скрывается тайна, и первым (и единственным) ключом к закону этой тайны может стать только совесть историка и читателя, поскольку сама история

свидетельствует, по Карамзину, об ее движении во времени в векторе нравственной логики, нарушение которой делает это движение падением в исторический ад. И примеры этого падения Карамзин находит не раз в нашей истории. Описывая в 9-м томе жуткие события из времен правления Ивана Грозного, Карамзин пишет, что террор опричнины по приказу царя «губительною рукою касался... самых будущих времен». Мерзость запустения в душах, предательство закона совести, а это — и «туча доносительства», клевета, глухота к предостережению пастырей церкви, убийство митрополита Филиппа, не желавшего благословить кровавый террор, — оставила злое семя в народе. Но тут же Карамзин добавляет: «горе гражданину, который за тирана мстит отечеству!», осуждая князя Андрей Михайловича Курбского, видного военачальника, бежавшего от террора Ивана Грозного в Литву и возглавившего в 1564 году одну из польских армий в войне против России. «Россия должна была испытать и грозу самодержавца-мучителя: (но) устояла с любовью к самодержавию, ибо верила, что Бог посылает и язву и землетрясение и тиранов», — заключает Карамзин свои размышления о времени Ивана IV [8, с. 120–124].

Карамзин-историк богоцентричен, чего не смогли простить ему многие из его современников и потомков, полагая, что историческая наука и «История» Карамзина не совместимы. И сегодня как никогда важен вопрос: кто прав? Сможет ли Россия без веры? Карамзин говорит: «Нет!» После распада в 1818 году знаменитого литературного кружка «Арзамас», куда кроме Карамзина входили В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, молодой Пушкин и другие, Карамзин пишет в дневнике: «Мы все... важничаем... (Но) велик тот, кто чувствует свое ничтожество — перед Богом» [8, с. 129]. И свое призвание историка Карамзин переживает как главное дело жизни перед Богом и Россией. В письме к ближайшему из друзей И. И. Дмитриеву от 22 октября 1825 года он отмечает: «Знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность к Небу за свое историческое дело?... Я пишу... и счастлив только своим трудом, любовью к отечеству и человечеству...» [8, с. 134]. Бог что-то очень важное провидит в России, считает Карамзин, и Провидение бережет ее, но России надобно помочь Провидению совестью и верою.

5. Смуга двоеверия в русской истории

Историк Карамзин стал свидетелем исторической драмы декабризма с ее точкой апогея 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. По свидетельству многих, переживания от этих событий окончательно

подорвали его физическое здоровье, но трудно себе даже представить, что происходило в душе Карамзина, ставшего свидетелем очередной смуты в головах и сердцах русских. Еще раньше 22 сентября 1822 года, приступая к работе над 12-м томом, посвященному периоду смутного времени начала XVII века, Карамзин пишет: «...начинаю описывать гонение Романовых, голод, разбой, явление самозванца: это ужаснее Батыева нашествия» [8, с. 133]. То, что случилось в России после смерти Александра I, отражает одну из важнейших особенностей российской истории, отмеченной многими отечественными исследователями, а именно: каждый раз на любом этапе своего становления и исторического развития Россия как бы двоится, раскалываясь и как бы являя одновременно два разных и нередко противоположных лица — «европейское и азиатское», светское и духовное, христианское и языческое, консервативно-охранительное и либерально-реформистское. Двоеверие, двоевластие, двоемыслие, часто раскол — эти понятия необходимы для понимания российской истории начиная от ее древнерусских истоков и до настоящего времени [3, с. 453 — 478]. В XVIII веке — веке Екатерины Великой — Россия вступает на путь поступательно-эволюционного развития, благодаря в том числе складывающемуся единомыслию правящей и духовной элиты страны. Возникают предпосылки для либерально-правового преобразования государства в форме конституционной монархии. Эти тенденции характеризуют умонастроение русского Просвещения XVIII века, которые, однако, отличались от Запада. В России получили широкое распространение идеи Вольтера и Руссо, деизма и масонства, характеризующиеся неприятием официальной церкви и просвещенного абсолютизма, но одновременно для большинства просвещенного дворянства характерно неприятие материалистических и атеистических идей при сохранении свободомыслия и нравственно-религиозного отношения к необходимости социально-политических реформ. Но после восстания Пугачева началось ужесточение консервативно-охранительных тенденций в политике Екатерины: был заморожен конституционный антикрепостнический проект Н. Панина и Д. Фонвизина, введена цензура и борьба с инакомыслием (прежде всего в лице А. Радищева и масона Н. Новикова), запрещены масонские организации. К концу XVIII — началу XIX века дворянская культура раскололась на два противостоящих друг другу крыла — консервативно-охранительное и либерально-реформистское, что предопределило драму декабризма. Она отразила в целом столкновение во всех областях российской жизни двух противоположных тенденций, названных Ю.М. Лотманом центро-

стремительной и центробежной: центростремительная ориентирована на сохранение национального своеобразия, центробежная — на размывание национально-государственной специфики. Лишь в краткие периоды истории эти тенденции находились в относительном равновесии, и одним из таких периодов было время правления Александра I, который был настроен реформистски, о чем свидетельствует даже то, что декабрист Рылеев, по его собственным словам, при проведении дознания после восстания, «какая бы ни была погода, каждый день» пешком шел в Петропавловскую крепость помолиться у гробницы императора Александра I, при котором он был адъютантом.

Вряд ли подлежит сомнению, что и эволюционисты, и революционеры в большинстве своем в тот исторический момент российской истории желали Отечеству только блага — ни себе, ни клану, ни дворянской олигархии, а Отечеству! И император тоже хотел, но колебался между Сперанским и Аракчеевым и не знал, как этого блага достичь. Умеренно-либеральные реформы в начале его правления — указ о свободных хлебопашцах, предоставление купцам, мещанам и казенным поселянам права покупки ненаселенных земель, учреждение Кабинета министров и министерств, Государственного совета, открытие университетов в Петербурге, Харькове и Казани — не приобрели необходимой динамики для глубокого реформирования государственной жизни, а после нашествия Наполеона совсем приостановлены. В 1812 году главный советник по реформам М. М. Сперанский сослан в Нижний Новгород, ближайшими помощниками стали А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын и др. Создаются военные поселения, восстановлено право помещиков отсылать крепостных без суда в Сибирь и др. Даже последовательный монархист Карамзин ждал от царя решительных действий, чтобы не допустить беды. Еще летом 1825 года во время одной из последних бесед с Александром (в дневниковых записях Карамзина точно указано время 25 августа с восьми до половины двенадцатого) он просил его об этом: «В последней беседе с ним 28 августа... я сказал ему как пророк: Государь, Ваши дни сочтены, Вы не можете более ничего откладывать и должны еще столько сделать, чтобы конец Вашего царствования был достоин его прекрасного начала... Царь обещает» [8, с. 138]. Предсказание историка, наверняка, соответствуют собственным предчувствиям Александра, которому доносили о планах восстания и цареубийства, но мистическая динамика его судьбы, начавшаяся с глубочайшей раны его косвенного участия в убийстве отца Павла I, ведет его в Таганрог, где согласно официальной версии

он скоропостижно скончался, после чего возникла знаменитая легенда о старце Федоре Кузьмиче, жившем долгое время в обители Серафима Саровского чудотворца, а после смерти Преподобного оказавшегося на поселении в деревне Зерцалы Томской губернии.

6. Провидение и русская идея

Кто же прав и каков на фоне противоречивой историографии истинный путь России в будущее? Есть ли та траектория движения, которая бы концентрировала истину верного общественно-политического целеполагания и законы природы, иными словами, есть ли интеграл для историко-политической и природной эволюции? Этот вопрос на фоне парадоксального развития всех форм культуры в XX веке, включая и физику, прежде всего квантовую механику, ставят многие [7, с. 380–386].

Поразительным образом этот интеграл оказывается если не общим, то очень близким по сути у Карамзина и Канта, с которым 18 июня 1789 году Карамзин почти три часа беседовал наедине. На фоне современной проблематики этот разговор предстает как знаковый вокатив, адресованный всему человечеству в целом. Императив совести задает «формы мира», по Канту. Именно его суть пытается объяснить Кант молодому Карамзину в ответ на его вопрос: «Какая есть всеобщая цель бытия нашего, равно достижимая для мудрых и слабоумных?» Ответ Канта кажется простым: «Деятельность есть наше определение» [6, с. 48], но в этой простоте цели — огромная трудность выхода «из состояния несовершеннолетия», в котором многие по-прежнему находятся «по собственной вине» [5, с. 29], не имея «решимости и мужества» пользоваться свободой нравственного принципа. Записывая на следующий день после встречи эти объяснения Канта, Карамзин в письме от 19 июня 1789 года так передает их содержание: «Помышляя о тех услаждениях, которые имел я в жизни, не чувствую теперь удовольствия, но, представляя себе те случаи, где действовал сообразно с законом нравственным, *начертанным у меня в сердце* (курсив мой. — В. Г.), радуюсь. Говорю о нравственном законе: назовем его совестью, чувством добра и зла — но они есть. Я солгал, никто не знает лжи моей, но мне стыдно» [6, с. 48].

Это поразительно: в сердце! Поскольку почти все русские философы считают, что сокровенная суть России — это идея сердца: не в метафорическом смысле, а в самом сокровенном смысле всеединства духа, души (то есть психики) и материи. Это духоматериальное единство

сегодня как никогда актуализировано, в том числе в самых брендовых итогах современного естествознания, хотя об этом пока редко упоминают в стандартной модели современной естественно-научной культуры. И. А. Ильин пишет: «Русская идея есть идея сердца. Она утверждает, что главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа» [4, с. 436]. Карамзин мыслит в идеале просвещенческой идеи совести в убеждении, что в совести русское сердце причащено *со-ведению* Провидению и любовью к Отечеству. В дискурсе всей научной историографии Карамзин со своим духовно-историческим «взглядом изнутри» русской души подводит нас к той границе опыта исторической науки, о которой писал Ю. М. Лотман, соотнося ее состояние с границей квантовой механики, возвращающей культуру к старому вопросу: «Что есть истина?», и актуализируя при этом проблему — «возможна ли историческая наука и в чем ее функция в системе культуры?» [7, с. 380].

7. «Надобно готовить человека...»

Несмотря на энтузиазм после победы над Наполеоном, Карамзин пишет в письме своему другу И. И. Дмитриеву из сгоревшей Москвы: «Мы наказаны, но спасены со славою», поэтому нужно «заняться внутренним благоустройством России во всех частях! Доживем ли до времен истинного векового творения, лучшего образования, назидания в системе гражданского общества? Разрушение надоело. Говорю в смысле нашего ограниченного ума: божественный видит иначе» [8, с. 80]. Но как же видит божественный? Об этом свидетельствует, по Карамзину, история, которая, пишет он в Предисловии к 1-му тому, «есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение и пример будущего».

В «Записке о древней и новой России», написанной Карамзиным в 1811 году по просьбе Великой княгини Екатерины Павловны, историк предостерегает: «для твердости бытия государственного... надобно готовить человека исправлением нравственным» [8, с. 68] «Надобно готовить человека» — вот смысл исторических деяний: «Государь! — восклицает Карамзин... — ты будешь отвечать Богу, совести и потомству» [8, с. 68] за то, как государство справляется с задачей «готовить человека», поскольку человек — это очень сложно, поскольку человек всегда в напряжении между мета- и инфрафизикой бытия. Ка-

Карамзин знает об опасности омертвления души, что вскоре в своей поэме «Мертвые души» так смешно и страшно показал Гоголь. Но следствие этого омертвления — «омертвление истории» (Гадамер). Как это важно понять сегодня, когда Россия пытается найти свой истинный путь в будущее! И услышим ли призыв Карамзина и Истории мы? Ведь если не услышим, то может стать соучастниками «тайны беззакония» (2 Фес. 2: 7), каковая, по сути, есть «тайна небытия». Н. А. Бердяев так пишет об этом в работе «Смысл истории», предупреждая Россию об историко-цивилизационной дизъюнкции «или — или» в ее будущем: «или приобщиться к этой тайне небытия, погрузившись в бездну небытия, — или вернуться к внутренней тайне человеческой судьбы, вновь соединиться с внутренними преданиями, внутренними святынями, пройдя через горнило величайших испытаний, величайших соблазнов, пройдя все стадии этой разрушительной, критической, отрицательной эпохи» [1, с. 12]. Карамзин верит, что Россия пройдет, что не может не пройти, потому как «Провидение нас бережет», только нужно помочь Провидению.

Карамзин одним из первых в традиции российской историографии пытается приблизиться к возможности осмыслить соотношение между такими категориями, как вечность и время, прозревая в то, что вечность во времени и есть то, что косвенно отражено в понятии Провидения. Без «кода вечности» во времени время легко становится убийцей реальности. Об этом пишет Н. А. Бердяев, трактуя о тайне «бездны небытия» и необходимости для России вечности бытия: «История есть не что иное, как глубочайшее взаимоотношение между вечностью и временем, непрерывное вторжение вечности во время. Если христианство необычайно исторично, если оно конструировало историю, то это связано именно с тем, что для христианского сознания вечное является во времени, вечное может быть во времени воплощено» [1, с. 53]. Мысли Бердяева о смысле истории как необходимости «кодирования» времени вечностью в христианском смысле близки интуиции Карамзина о связи истории и Провидения. В. А. Жуковский в разговоре с А. И. Тургеневым напрямую подтверждает это: «Как бы то ни было, доверенность к Провидению! Как говорит Карамзин и как должен говорить всякий добрый человек. Если есть Бог, то есть и душа, вечность, бессмертье! А как не быть Богу!» [8, с. 40]. Вот глубинная основа действенно-исторического сознания, по Карамзину. И всем подвигом своей жизни и творчества он до сих пор пытается в этом своем действенно-историческом сознании научить нас тому, чтобы помочь Провидению в русской истории, помочь совестью и верой.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
3. Два лика русской культуры // Очерки по истории мировой культуры. М., 1997. С. 453–478.
4. Ильин И. А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 436–443.
5. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 29–37.
6. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М., 1982.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996.
8. Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М., 1983.

Vladimir Gilmanov

THE VOICE OF HISTORY AND THE POLITICS: ON THE ISSUE OF EFFECTIVE HISTORICAL CONSCIOUSNESS IN MODERN HISTORY IN THE LIGHT OF N. KARAMZIN'S HISTORIOGRAPHY

The article reveals the relevance of N. Karamzin's historical and providential method in the context of philosophical hermeneutics of H.-G. Gadamer. Highlighting a deep connection of the ideological basis of Karamzin's historiography with the up-to-now-incomplete search for the "Russian idea" the paper shows the suitability of appealing to Karamzin's historiographical methodology against the backdrop of still controversial dynamics of Russian history, with its typical duality, dual beliefs, and vagueness regarding its place in the world.

Key words: *historical science, hermeneutics, effective-historical consciousness, Providence, conscience, Decemberists, Russian idea.*

**«ПОСЛЕДНИЙ ЛЕТОПИСЕЦ»:
РОЛЬ КАРАМЗИНА
В РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ**

Когда речь заходит о государственной символике в связи с историей великорусской государственности, следует обратиться к оценкам «Колумба российской древности». Ведь именно Н. М. Карамзин обратил внимание на печать Ивана III к жалованной грамоте 1497 года волоцким князьям, на которой наряду с изображением всадника, поражающего змея копьем, был двуглавый орел.

Павел Полх

Среди заметок о пребывании <Карамзина> в Кёнигсберге... особенно выделяются строки о посещении им кафедрального собора и "старинного замка"... Н. М. Карамзин упоминает о посещении путешественниками цейхгауза и дворцовой библиотеки... Можно только догадываться о том сожалении, которое он впоследствии, уже став историком, наверняка испытывал по поводу того, что ему не удалось посетить местный архив

Геннадий Кретианин, Артем Крюков

Английские впечатления молодого начинающего литератора, автора «Писем русского путешественника», хорошо известны и всесторонне изучены отечественными историками, филологами и культурологами... Значительно меньше внимания в современной российской историографии уделено освещению английской темы на страницах литературного и общественно-политического журнала «Вестник Европы», основанного Н. М. Карамзиным.

Виктор Сергеев

Создание «Истории государства Российского» потребовало от Н. М. Карамзина освоения огромного массива документов, многие из которых были впервые введены им в научный оборот. Как историограф Карамзин получил право пользоваться архивами Российской империи «невозбранно» и стал, таким образом, одним из немногих исследователей русской истории, допущенных в первой четверти XIX века к работе с архивными документами.

Дмитрий Манкевич

Наряду с У. У. Бецким и Н. У. Новиковым, Н. М. Карамзин был одним из первых, кто сделал предметом публичного обсуждения вопросы воспитания и образования в России, те нравственные проблемы, с которыми столкнулось российское общество на рубеже столетий. К данной тематике Николай Михайлович Карамзин будет возвращаться на протяжении всей жизни.

Людмила Жданович

*Павел Полх
(Калининград)*

Н. М. КАРАМЗИН И «ВИЗАНТИЙСКАЯ ВЕРСИЯ» ПРОИСХОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГЕРБА

Рассматривается утвердившаяся в современном общественном сознании версия появления на российском гербе двуглавого орла благодаря браку великого московского князя Ивана III с представительницей византийской императорской династии Софьей Палеолог. Дается оценка вклада Н. М. Карамзина в оформление и обоснование данной версии, ее критические оценки с позиций современной науки и объяснение ее жизнеспособности в нынешнее время.

Ключевые слова: геральдика, Н. М. Карамзин, государственная символика России, историография российской истории

Выдающийся русский историк Николай Михайлович Карамзин, снискавший славу «последнего летописца», не мог не отметить и в такой сфере научного знания, как специальные (они же вспомогательные) исторические дисциплины, или, как их было принято называть, — в «науке древностей». Основанием так считать служат две причины. Во-первых, Николай Михайлович стремился мобилизовать все возможные источники для своих исторических построений и дать им соответствующую оценку. Во-вторых, пишущие о становлении российских нумизматики, сфрагистики, генеалогии или геральдики вряд ли могут пройти мимо подобной величины. Даже если вклад не очень значителен, вне Карамзина оценка любого факта из русской истории до конца XVII века в историографии начала века XIX представляется неполной.

Безусловно, Н. М. Карамзин не был геральдистом, поскольку далеко не все издания по отечественной дворянской или земельной геральдике его упоминают. Однако, когда речь заходит о государственной символической в связи с историей великорусской государственности,

обратиться к оценкам «Колумба российской древности» все же следует. Ведь именно Николай Михайлович указал на печать Ивана III к жалованной грамоте 1497 года волоцким князьям [2, с. 121; 10, с. 69], на которой наряду с изображением всадника, поражающего змея копьем, изображался двуглавый орел.

Собственно, вся версия происхождения укладывается в сделанное в шестом томе «Истории государства Российского» заявление о том, что «Иоанн, по свойству с царями Греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с Московским» [3, т. 6, с. 71–72], а также сопровождающий этот текст комментарий (№ 98): «Великий князь начал употреблять сей герб с 1497 г.; до 1472 на печати его изображались Ангел, держащий в руке копье и человек с обнаженным кинжалом; а с сего времени до 1497 г. лев, терзающий змею: работа греческая, и, как вероятно, подарок Софиин» [3, прим. к т. 6, с. 29]. Отметим, однако, что здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда «словам тесно, а мыслям просторно». Во-первых, изображения на печатях признаются гербами, причем касается это и московских печатей до Ивана III, то есть сфрагистическому материалу придается больший вес, чем просто идентификация автора документа и придание грамотам юридической силы. Во-вторых, Н. М. Карамзин настаивает на том, что уже в 1472 г. (год заключения брака великого московского князя с Софьей Палеолог) появились основания претендовать на нечто большее, чем просто верховенство среди русских князей, что и было оформлено принятием герба «царей Греческих» четверть века спустя. В-третьих, убежденность в том, что двуглавый орел — это именно герб Римской империи.

Последнее, впрочем, не какое-то новшество для нарождавшейся российской исторической науки: еще В. Н. Татищев в свое время обратил внимание на указания хроники Соловецкого монастыря на связь брака Ивана Великого с Софьей с заимствованием двуглавого орла [7, с. 132], причем соединил это заимствование со стремлением Рюриковичей «вывести» свой род от Римских кесарей. На это же указывал в «детском атласе» в 1768 году Ф. Г. Дильтей, заявляя о матримониальном гербе кесаря Августа, попавшем путем брачной связи в Россию [7, с. 134]. Сама же печать была обнаружена в 1767 году Н. Н. Бантыш-Каменским [7, с. 135] и лишь в 1788 году опубликована Румовским. Получается, наш «последний летописец» лишь добавил органичное доказательство к римской версии двуглавого орла.

Тем не менее встает еще одна интересная проблема: двуглавый орел к середине XV столетия прочно обосновался на гербе Максими-

лиана Габсбурга — императора Священной Римской (Австрийской) империи. История о том, как Габсбург предлагал Ивану III принять из своих рук корону, а тот отверг такое предложение, подчеркивая собственное «самодержавство», общеизвестна. Отверг ли тем самым московский государь «римского» орла? Очевидно, нет, поскольку двуглавый орел австрийский и орел московский в равной степени должны были восходить к древнеримской государственной традиции. Это хорошо понимал, по мнению Н. М. Карамзина, и Иван Грозный — в комментарии (№414) к девятому тому «Истории...» приводится выдержка из послания первого русского царя: «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя от прародителей наших; а Римская печать нам не дико: мы от Авг. Кесаря родством введемся» [3, прим к т. 9, с. 144]. Как известно, претензии Ивана Грозного выразились в том, что в 1562 году «московский всадник», поражающий змея копьём, занял место на груди двуглавого орла, что подчеркивало его подчиненное положение (на печати Ивана III надпись начиналась по кругу изображения всадника и завершалась вокруг орла, находившегося, таким образом, на оборотной стороне). Но в данном случае важно не это, а другое: и Иван Грозный, и историки от В. Н. Татищева до Н. М. Карамзина не видели противоречия в том, к какому наследию относится двуглавый орел — византийскому или западному, все равно он восходит к некогда единой Римской империи. В конце XX столетия дилемма «византийское или западное» будет уже принципиальной, и карамзинская ремарка по поводу греческого герба будет значить больше, чем передача претензий Ивана Грозного.

В XIX же веке влияние Н. М. Карамзина на общественное сознание в целом и на отдельных интеллектуалов, именно с его «Истории государства Российского» начинавших знакомство с прошлым Родины, было столь велико, что версия о византийском заимствовании двуглавого орла рассматривалась как само собой разумеющееся. Среди этих интеллектуалов обязательно надо отметить А. Б. Лакиера — автора «Русской геральдики» — первого самобытного труда, описывающего весь имевшийся к середине XIX века сфрагистический и гербовый материал в систематическом порядке. Всячески доказывая самобытность (а не подражание западным образцам) многих дворянских гербов, Лакиер полностью принял заимствование двуглавого орла через брак с греческой царевной, сделав необходимые ссылки на «Историю...» Н. М. Карамзина [6, с. 139, 142]. Логическим итогом исторических представлений XIX века стало празднование 400-летия российского герба в 1897 году, инициированное Академией наук.

Вместе с тем отечественная геральдика не стояла на месте, и сомнениям подвергались и самые авторитетные мнения. Наиболее ярко здесь звучат слова признанного специалиста в области отечественных вспомогательных исторических дисциплин Н. П. Лихачева (убежденного, что матрица печати с двуглавым орлом возникла не ранее августа 1490 г. [7, с. 405]) о том, что Византийская империя не имела герба в европейском значении этого понятия [1, с. 128], а значит, и России заимствовать было нечего. Не забудем, однако, что и в начале XX века речь шла не об историческом памятнике: двуглавый орел был доминантным изображением на гербе Российской империи и даже республики, во многом благодаря указанию П. Н. Милюкова, что орел — национальный, а не династический символ.

Декретом Совнаркома от 24 июля 1918 года использование двуглавого орла было официально запрещено [1, с. 351] (хотя на деньгах «керенках» он присутствовал до появления «совзнаков»), общественный да и научный интерес к нему пропал как к символу отвергнутой эпохи. Лучший, если не единственный советский учебник русской сфрагистики и геральдики Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова рассматривал печать 1497 года (с указанием, что она привешена еще и к грамоте 1504 года) не более как исторический источник, как, в общем, и предшествующие княжеские печати: констатируя факты эволюции изображений с соответствующими комментариями (включая указание на то, что двуглавый орел — символ двуединства Римской империи [2, с. 122]).

Так уж получилось, что возвращение главного труда Н. М. Карамзина широкой общественности, когда в 1987–1988 годах журнал «Москва» публиковал «Историю...» без комментариев, предварило в какой-то степени дискуссию о возвращении государственной российской символики. Возрождение российского триколора фактически происходило в борьбе за утверждение в обществе демократических ценностей, символом которых для многих и стало бело-сине-красное полотнище. В тогдашней ситуации вопрос о том, следует ли возвращать царский герб, для большинства рассматривался как абсурдный [1, с. 506]. Однако в 1992 году орел без царских регалий стал эмблемой Банка России и занял свое место на банкнотах. В тот короткий исторический период последних трех месяцев 1993 года, когда в стране не было никакой представительной власти, указом президента РФ от 30 ноября 1993 года золотой двуглавый орел с тремя коронами, скипетром и державой, со всадником на груди, помещенный на красный геральдический («французский») щит, был объявлен государственным

ным гербом России. То, что герб принимался в спешке, не было никаких сомнений. Оставалось две недели до референдума по Конституции РФ, согласно которой герб (как и флаг с гимном), утверждались федеральными конституционными законами, принятие которых могло растянуться на длительный срок (как и получилось — эти законы приняла лишь третья Государственная дума уже при следующем президенте). Поэтому Б.Н. Ельцину и его окружению казалось принципиальным заменить серп и молот в обрамлении колосьев на исторический герб. В данной ситуации мало кого волновало, что золотой орел на красном фоне никогда в качестве герба не использовался, хотя в теоретической геральдике имеют значение и меньшие мелочи, не говоря уже о коронах, скипетре и державе.

Само собой разумеется, появление нового символа не могло не повлечь за собой всплеск научных и общественных дискуссий, который возобновлялся в 1997 году в связи с 500-летним юбилеем орла на печати и принятием федеральных конституционных законов от 25 декабря 2000 года о государственных символах России. Естественен вопрос: а при чем здесь Н.М. Карамзин? Во-первых, если говорить о научной составляющей дискуссий, то мимо подобного авторитета пройти уже было невозможно. К тому же первостепенным становился вопрос о происхождении двуглавого орла, по которому «последний летописец» высказался вполне определенно. Во-вторых, для широкой общественности куда принципиальнее звучит вопрос о том, что символизирует и чей это символ, и мнение Н.М. Карамзина было как никогда весомым.

Первая половина и середина 1990-х годов были временем, когда спрос на обобщающие исторические труды (по возможности написанные удобным для чтения языком) был крайне высок и у студентов и молодых преподавателей, и у абитуриентов, и у школьных учителей. Существовавшие школьные и вузовские учебники либо воспринимались как морально устаревшие, либо были настолько новаторскими, что не давали возможности получить систематические представления об отечественной истории (не говоря уже о сдаче вступительных экзаменов). Поэтому переиздание дореволюционных и эмигрантских авторов, а иногда и переводной литературы (когда речь шла об истории после 1917 года), вполне оправдывало себя экономически, и Н.М. Карамзин был переиздан многократно: благо традиция, начатая журналом «Москва» (издавать без комментариев), позволяла уместить 12-томную «Историю...» в три-четыре тома.

Конечно, переиздавался не только Карамзин, и ценители геральдики могли почерпнуть для себя немало интересного из изданной 100-ты-

сячным тиражом книги офицера-эмигранта, инвалида Первой мировой войны В. С. Новикова, посвященной «прерванному 445-летнему полету двуглавого орла» [8, с. 19]. На ее страницах дается подробный рассказ с соответствующими рисунками (без ссылок) о том, как орел то поднимал, то опускал крылья в зависимости от побед и поражений в XVI—XVII веках, а затем становился еще более величественным. Но указание на 445-летнюю эволюцию, завершившуюся в 1917 году, выводит на дату 1472 года, то есть брак Ивана и Софьи, что должно приниматься без возражений.

Конечно, у серьезных специалистов в области геральдики проблематика исследований выглядела по-другому. Нельзя было пройти мимо версии Густава Алефа, впервые предложенной в 1966 году [11, с. 25], о том, что двуглавый орел — это претензия на равнозначность Ивана III Максимилиану Габсбургу (одноглавый орел — герб королей, то есть князей, а двуглавый — императоров и самодержцев). В принципе, ничего крамольного здесь не было (вспомним Ивана Грозного, «наследника» Кесаря Августа), если бы не прямое западное влияние взамен на византийскую ориентацию. Версия всерьез не прижилась, если не считать учебника для профильной старшей школы А. Н. Сахарова и В. И. Буганова [9, с. 185]. Более того, А. Л. Хорошкевич даже обмолвилась о том, что «неважно, каким ветром занесло к нам двуглавого орла» [1, с. 140]. Выдвигалась даже черногорская версия происхождения с «ориентацией на Византию» [4, с. 136]. Исследования иконографии печати позволили Н. А. Соболевой уточнить дату создания (26 августа 1490 года) матрицы печати и определить, что она была творением итальянских мастеров [10, с. 98]. Включившаяся в дискуссию венгерская исследовательница М. Аттагош определила дату ее создания не ранее 1493 года и указала, что заимствован орел был не напрямую из Германии, а посредством ряда латинских семейств [7, с. 407]. К этому можно добавить исследования появления двуглавой птицы в европейской геральдики и древневосточной символике.

За очевидной дихотомией «западное — незападное» в вопросе происхождения российского двуглавого орла версия о прямом заимствовании изображения в связи с браком великого князя и византийской империи отошла на второй план и перешла в разряд историографических фактов, связанных в том числе с Н. М. Карамзиным. Известный исследователь российского средневековья В. А. Кучкин отметил, что Карамзин, говоря о печати-гербе, перенес представления своего времени с претензиями в балканской политике [5, с. 86]. Однако это позиция современной исторической науки, и если бы речь шла о давно за-

бытом символе (например, единороге на гербе времен Ивана Грозного), дискуссии можно было бы считать закрытыми. Однако двуглавый орел – центральное изображение на государственном гербе, многократно воспроизводимое на банкнотах, эмблемах федеральных служб и агентств, печатях федеральных учреждений и документах об образовании, гражданском состоянии, удостоверениях... Поэтому налицо зафиксированный О.Н. Наумовым разрыв между «инвариантным ядром и достижениями современной геральдики» [7, с. 353] во всех ее разделах (включая государственные, городские и дворянские гербы); ситуация, когда комментировать геральдические изображения в свете своих исторических и общественно-политических представлений берутся очень многие. И проблема здесь не столько в историческом дилетантстве, сколько в желании поставить историю (и вообще науку) на службу формирующимся идеологическим представлениям.

Очевидно, что принятие трех федеральных конституционных законов на рубеже веков стало результатом определенного компромисса: царский (пусть и с поправками) исторический герб; флаг, который в XX веке был не только национальным стягом, но и символом борьбы с большевиками; и гимн на музыку А.В. Александрова, многократно менявший текст, но изначально славивший большевистскую партию. Естественно, в XXI веке достаточно сил, которых такой расклад не устраивает и которые хотели бы это равновесие сместить в «правильную» сторону. Поэтому, как это ни странно, именно Н.М. Карамзин может выступать в роли защитника современного российского герба (самого древнего из трех государственных символов), поскольку византийская версия его происхождения все же защищает герб от попыток сделать его более самобытным и идеологически выраженным.

Список литературы

1. *Герб и флаг России X–XX вв.* М., 1997.
2. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818–1821.
4. *Королев Г.И.* Четыре тезиса о происхождении русского двуглавого орла. // *Гербовед.* 1999. №38. С. 134–139.
5. *Кучкин В.А.* Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г. // Там же. С. 72–91.
6. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990.
7. *Наумов О.Н.* Научная геральдика России. М., 2013.

8. Новиков В.С. Русский государственный орел. Мистерия 445-летней исторической эволюции. М., 1991.

9. Сахаров А.Н., Буганов В.И. История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1995.

10. Соболева Н.А. Гербы российских городов. М., 1998.

11. Соболева Н.А. Российская государственная символика. История и современность. М., 2002.

Pavel Polkh

**N. M. KARAMZIN AND THE "BYZANTINE VERSION"
OF THE ORIGIN OF THE RUSSIAN COAT OF ARMS**

The article dwells on the long-established popular version of the "Byzantine" origin of the Russian state emblem: the image of the double-headed eagle is allegedly associated with the marriage of the Great Prince of Moscow Ivan III and Sophia Palaeologus, successor to the Roman and Byzantine Empires. N. Karamzin's role in promoting and substantiating this version is considered, alongside discussing the longevity of this hypothesis and a critical attitude to it from the point of view of contemporary historiography.

Key words: *heraldry, N. M. Karamzin, state symbols of Russia, historiography of Russian history.*

*Геннадий Кретинин
Артем Крюков
(Калининград)*

Н. М. КАРАМЗИН: К ИСТОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ КЁНИГСБЕРГСКОГО АРХИВА В РАБОТЕ НАД «ИСТОРИЕЙ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

При написании «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин использовал русские летописи, посольскую переписку, дипломатические материалы. Одним из первых он обратился к зарубежным источникам. Для этого ему пришлось получить копии документов, освещающих историю отношений Московского государства и Тевтонского ордена в первой четверти XVI века. Однако более поздние исследователи XIX – XX веков, как российские, так и немецкие, а также и современные в своих трудах практически игнорируют аналитическую деятельность российского ученого. Рассматриваются особенности подобного отношения к исследованиям российского историографа. Говорится о значимости его работы для оценки событий полутысячелетней давности и современности.

***Ключевые слова:** Н. М. Карамзин, Кёнигсберг, Кёнигсбергский архив, отношения Москвы и Тевтонского ордена, историография, источники, история России.*

Тема «Н. М. Карамзин и Кёнигсберг» для специалистов и любителей истории чаще всего ассоциируется с пребыванием русского писателя в этом городе и встрече его с философом И. Кантом. Между тем существует и другая ипостась, связывающая имена человека и города, присущая им обоим: история. Николай Михайлович Карамзин имеет особое отношение к этому городу как историк, российский историограф, а Кёнигсберг — это исторический объект, привлекавший внимание к себе россиянина не только проживанием в нем известного философа, но наличием в городе архива Тевтонского ордена.

Приступая к описанию истории отношений Великого княжества Московского и Тевтонского ордена и характеризуя средневековое во-

енно-монашеское государство, Н. М. Карамзин употребил возвышенно-романтическую лексику: «Пламенный дух сего воинственного братства, освященного Верой и добродетелью, памятного великодушным и славою первых его основателей, угас в странах Севера: богатство не заменяет доблести, и Рыцари-Владетели, некогда сильные презрением жизни, в избытке ее приятностей увидели свою слабость. Покорители язычников были покорены собратиями-Христианами» [5, ст. 50].

Истоки подобного отношения следует отнести к 1789 году, когда 23-летний россиянин пересек границу Пруссии и посетил ее города и веси, еще сохранявшие колорит Средневековья. Среди заметок о пребывании в Кёнигсберге (оказавшемся единственным, больше писатель и историк в этом городе не бывал), не считая визита и беседы с И. Кантом, особенно выделяются строки о посещении им Кафедрального собора и «старинного замка», или «дворца, построенного на возвышенности». Н. М. Карамзин упоминает о посещении путешественниками цейхгауза и дворцовой библиотеки, в последней он видел фолианты и кварталы (книга в четверть листа. — Г. К., А. К.), окованные серебром [7, с. 102, 104].

При этом об орденом архиве в своих «Письмах» Н. М. Карамзин не сообщает. Можно только догадываться о том сожалении, которое он впоследствии, уже став историком, наверняка испытывал по поводу того, что ему не удалось посетить местный архив. Впрочем, такой возможности у русского путешественника в то время не было.

«Кёнигсбергский архив», как его называет Н. М. Карамзин в исследованиях [6, ст. 130], в это время находился в стадии формирования. После различных перипетий (войны, смена государственности, передислокация, дробление коллекций с последующим объединением), во второй половине XVIII века он расположился в рыцарском замке и в 1804 году получил название «Тайный архив в Кёнигсберге», далее — «Прусский государственный архив в Кёнигсберге» [15, S. 4]. Под Кёнигсбергским архивом Н. М. Карамзин прежде всего понимал архив Тевтонского ордена, большую коллекцию исторических документов, ведущей свой отсчет с XIII века.

Много позже, после посещения Карамзиным города, в 1805 году в архиве был зарегистрирован первый посетитель — Август Коцебу [15, S. 47], впоследствии российский консул в Кёнигсберге, оказавший Карамзину помощь в получении информации о документах, относящихся к российской истории.

Но не только Коцебу стал источником информации для российского историографа. В конечном счете Коцебу принял консульскую

должность в Кёнигсберге в 1816 году, когда Н. М. Карамзин уже знал о документах Кёнигсбергского архива, и не только знал, но и пользовался ими.

Встает вопрос: как узнал и как получил доступ к кёнигсбергским документам разных периодов истории, в том числе и свидетельствам отношений Великого княжества Московского и Тевтонского ордена в Пруссии (1517 – 1521 годы) российский историк?

Впрочем, Н. М. Карамзин в российской историографии оказался не первым, кто упомянул о договоре 1517 года между Василием III и Альбрехтом Бранденбургским. Формально его предшественниками стали В. Н. Татищев и М. М. Щербатов.

В. Н. Татищев совсем кратко сообщил в «Истории Российской» о пребывании в Москве посла «именем Феодорикус Шитьборк» и отправлении подписанной грамоты Василием III к «Маистру Прусскому» со своим «ближним человеком» Дмитрием Загряжским. Впрочем, подготовленный в первой половине XVIII века 5-й том сочинения В. Н. Татищева был издан только в 1848 году [13, с. 179].

Более подробно о событиях 1517 года рассказывает М. М. Щербатов, но и он, пересказывая тексты статейных списков Посольского приказа, ограничивается только начальным периодом отношений [4, с. 327 – 338].

Таким образом, перед Н. М. Карамзиным оказалось практически неизведанное поле деятельности, связанное с российско-тевтонскими отношениями в начале XVI века в целом и коллекцией орденских документов в Кенигсберге в частности.

По сути, российский историк оказался колумбом (титул «колумб» как открыватель новых источников принадлежит В. П. Козлову [8]) орденской историографии, видимо, не только для своего Отечества. Немецкий архивариус Иоханнес Фойгт смог обратиться к истории московско-орденских отношений начала XVI века только два десятилетия спустя после выхода «Истории» Карамзина. Первый том его монументального сочинения по истории Немецкого ордена был издан в 1827 году [20].

Н. М. Карамзин, приступив к работе над «Историей», развернул деятельность по сбору исторических источников и ему становится известно, что подобной же деятельностью в Кенигсберге занимаются прибалтийские дворяне.

Исследователь Г. А. Енш отмечал, что в начале XIX века прибалтийское дворянство, окончательно «прописавшееся» в императорской России, беспокоясь за свои средневековые привилегии, приступило к

поиску исторических источников, которыми регламентировались их права. Обнаружилось, что документы ливонского периода ни в одной из трех губерний не сохранились. Но Ливонский орден имел богатую историю как, собственно, «филиал» Немецкого ордена в Пруссии. Огромная переписка Ливонского магистра и гроссмейстера Тевтонского ордена сохранилась в Пруссии. Тогда прибалтийские дворяне приняли решение скопировать необходимые им документы в Кёнигсберге [2, с. 177].

В это же время в Курляндии работал учителем окружной школы доктор философии Эрнст Генниг. Генниг родился в Тарау (Восточная Пруссия, ныне Владимирово Багратионовского района), в 1805 году защитил диссертацию в Кёнигсбергском университете и вместе с Августом Коцебу оказался одним из первых посетителей орденового архива. Они предприняли попытку подготовить историю Пруссии. Впоследствии Генниг оказывал помощь Коцебу, который увлекся сбором материалов для сочинения «Описание Свидригайлово» (Великого князя Литовского. — Г. К., А. К.) и работал с документами ордена [15, S. 47, 48].

Из Кёнигсберга Генниг и переехал на преподавательскую работу в Курляндию. Нельзя исключать то обстоятельство, что именно по его инициативе прибалтийское дворянство за свой счет в 1808 году создает Археографическую экспедицию. Возглавил ее, естественно, Генниг [2, с. 177]. Более того, вернувшись в январе 1809 года в Кёнигсберг, Генниг становится одним из руководителей вновь образованного Кёнигсбергского архива, став соперником недавно назначенного на должность тайного архивного советника Карла Фабера [15, S. 42, 48]. Впрочем, это соперничество нисколько не повлияло на участие обоих архивистов в организации копирования документов орденового периода, имевших отношение к России.

О знакомстве Геннига с Карамзиным сведений мало. Скорее всего, оно было заочным. Сохранилось несколько писем из их переписки (Генниг умер в 1815 году, его архив попал к наследникам в Кёнигсберге, и судьба его осталась неизвестной. Карамзин работал в Москве, часть его архивов сгорела в пожаре 1812 года). Несомненно одно: несмотря на то что изначально копии документов изготавливались в трех экземплярах (для курляндского, лифляндского и эстляндского дворянских обществ), информация о работе комиссии поступала и к Карамзину. Более того, когда комиссия стала испытывать финансовые затруднения, возглавлявшему проект рижскому ландрату Унгерн-Штернбергу посоветовали именно через Геннига обратиться за помощью к

Карамзину. Российский историограф должен был способствовать посредничеству в этом проекте министров внутренних дел и финансов. Карамзину удалось добиться выделения 1000 рублей на покрытие расходов на пересылку копий документов из Кёнигсберга в Ригу. После того как в 1811 году курляндское дворянское общество вышло из состава участников проекта, третий экземпляр копий кёнигсбергских документов стал поступать в Петербург и им мог пользоваться Н. М. Карамзин [2, с. 178, 179].

Можно предположить, что к Карамзину до 1812 года попало не так уж много информации, касающейся отношений Василия III и Альбрехта Бранденбургского. Архив Карамзина в пожаре 1812 года пострадал, но говорить о том, что при этом пострадали и документы периода 1517 – 1522 годов вряд ли оправданно.

Дело в том, что Карамзина в 1812 году особо интересовала тема Ивана Грозного и Ливонской войны. После того как было принято решение о выделении денег на копирование и перевозку документов, Карамзин обращается к Унгерн-Штернбергу с просьбой о копировании для него кёнигсбергских документов указанного периода. Генниг приступает к этой работе и неожиданно обнаруживает другие документы, имеющие отношение к российской истории [2, с. 180].

Г. А. Енш, исследовавший переписку Унгерн-Штернберга с Геннигом, сообщает, что Генниг писал Карамзину о том, что «в Прусском секретном архиве сохранилось много подлинных писем Василия III, касающиеся до тех пор не известных его союзов с германским цесарем, маркграфом Альбрехтом и другими князьями против короля польского» [там же].

Наполеоновская агрессия в Россию в 1812 году нарушила коммуникацию Кёнигсберг – Рига – Санкт-Петербург. Однако Кёнигсбергский архив продолжал свою работу по копированию без перерыва, но документы могли поступить в Санкт-Петербург не ранее 1813 года. Следовательно, документы о московско-орденском союзе 1517 года попали к Н. М. Карамзину и уж точно не пострадали в московском пожаре.

В. П. Козлов, в свою очередь, отмечает, что в марте-июле 1814 года доктору философии Дерптского университета Ф. Шульцу удалось скопировать свыше 80 документов, среди которых оказалась переписка великого князя Василия III с маркграфом Бранденбургским Альбрехтом 1512 – 1520 годов и ряд других материалов, ранее не известных в России [8].

По-видимому, речь шла об одних и тех же документах, однако пользователей ими оказалось уже два. Дело в том, что в этот период от активных государственных дел отошел канцлер Н. П. Румянцев, возглавивший археографическое дело в России. Очень богатый человек, он на свои средства организовал поиск документов, летописей, рукописей, книг, относящихся к российской истории. Музеи, библиотеки, книгохранилища, частные собрания по всей Европе, по всем городам, монастырям, дворянским усадьбам в России стали поисковыми объектами для команды исследователей, которых Румянцеву удалось привлечь в ее состав. Естественно, не был обойден вниманием и Кёнигсберг. Упоминавшийся уже Ф. Шульц работал в Кёнигсберге как раз по заданию Н. П. Румянцева.

Карамзин писал «Историю государства Российского», одного из первых обобщающих трудов по российской истории, Румянцев стал основателем музея в Санкт-Петербурге, в дальнейшем перевезенного в Москву, сегодня известного как Российская государственная библиотека, публиковал исторические материалы в «Собрании государственных грамот и договоров».

В какой-то степени Румянцев и Карамзин составили друг другу конкуренцию по получению доступа к документам Кёнигсбергского архива. Как бы там ни было, но документы истории отношений Великого княжества Московского и Немецкого ордена в Пруссии отложились в коллекциях, хранящихся ныне в Российской государственной библиотеке, в Российском государственном архиве древних актов.

Н. М. Карамзин действительно стал первооткрывателем массива документов Кёнигсбергского архива, связанных с российско-тевтонскими отношениями в 1517–1522 годах. Но он не просто обнаружил эти документы, а использовал их в исследовательской деятельности.

И здесь встает еще один, не менее, а может и более, важный вопрос: как наследие российского ученого было использовано его немецкими и российскими коллегами, в том числе и современными?

В частности, Курт Форстройтер, немецкий историк, еще до Второй мировой войны в работе «Пруссия и Россия в Средние века» сообщал о том, что для подобного исследования имелись два источника: в Москве — посольская книга Посольского приказа и фонды орденского архива в Кёнигсберге [16, S. 78].

Естественно, что К. Форстройтер раздел об отношениях Тевтонского ордена и Великого княжества Московского построил на документальной базе орденского архива. Историографическую основу составили работы также немецких историков Е. Йоахима [17] и Х. Уэбер-

бергера [19]. При этом Форстройтер отмечает, что Йоахим русским языком не владел, для своего трехтомного исследования использовал русские источники, опубликованные в работах других авторов [16, S. 270]. Впрочем, что это были за источники — не указывает.

Посольская книга и ряд отдельных документов того времени, хранившихся в российском Посольском приказе, были изданы Г. Ф. Карповым в одной книге в 1887 году [11]. Форстройтер часто цитирует это издание, но совершенно не упоминает об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

В настоящее время история отношений Московского княжества и Тевтонского ордена также привлекает внимание немецких исследователей. Кроме упоминавшихся уже трудов Форстройтера и его коллег следует назвать диссертационное исследование Майке Зах «Гроссмейстер и Великий Князь» [18].

В отличие от своего предшественника (К. Форстройтера) у М. Зах имеется ссылка на «Историю» Карамзина, но она относится к 1489 году и ни к Альбрехту Бранденбургскому, ни к Василию III (основным действующим лицам исследуемого периода) отношения не имеет [18, S. 116]. Впрочем, М. Зах, ссылаясь на исследования Г. А. Енша [2] и В. П. Козлова [8], обозначила путь, по которому Н. М. Карамзин мог получить доступ к документам Тевтонского ордена [18, S. 26–27]. Но дальше простого пересказа материалов советских исследователей, попытки объяснить, почему исследователи попросту игнорируют результаты работы Н. М. Карамзина в части, касающейся отношений Москвы и Тевтонского ордена, М. Зах не предприняла.

Из соотечественников российского историографа критически отнесся к его сочинению С. М. Соловьев. В качестве примера стоит отметить сообщение Соловьева о том, что Шонберг дважды обращался к Василию III за рекомендательными письмами об Альбрехте Бранденбургском к французскому королю: в 1518 и в 1519 годах. Однако пишет он дальше: «... у Карамзина второе и третье посольство Шонберга смешаны в одно» (цит. по: [12, ст. 1627]). Впрочем, С. М. Соловьев здесь излишне критичен. Карамзин действительно упоминает только об одном письме 1519 года. В Примечаниях он приводит его целиком по тексту из Посольской книги [5, ст. 50; 11, с. 95]. О письме 1518 года он не упоминает вовсе. Почему? Форстройтер отмечает, что письмо к французскому королю так и пролежало в тевтонской канцелярии нераспечатанным, «перекочевав» затем в архив. Там его в 1814 году и обнаружил Коцебу [16, S. 89]. Драматург, конечно, мог поделиться этим

открытием с Карамзиным. Естественно, Карамзин мог посчитать лишним упоминать о документе, который совершенно не сыграл никакой роли в дипломатических отношениях.

Что касается советских историков, то отношения Москвы и Тевтонского ордена первой четверти XVI века стали предметом исследования В.Н. Балязина. В статье он упоминает Н.М. Карамзина, но это упоминание относится к событиям 1514 года [1, с. 67]. Более академично подошел к использованию «Истории государства Российского» А.А. Зимин. В работе «Россия на пороге нового времени» он перечислил привлеченные для написания «Истории» Карамзиным источники (летописи, Русский временник) и дипломатические материалы (посольские дела, «кёнигсбергские бумаги»), а затем использовал их для работы над монографией [3].

Весьма плодотворно и интересно работает в настоящее время над историей отношений Москвы и Тевтонского ордена в первой четверти XVI века петербуржец А.Н. Лобин [9; 10]. Интересен научно-популярный труд о Василии III А.И. Филошкина, также петербуржца [14]. Но и советские, и российские историки практически не используют в своих исследованиях «Историю» Карамзина как исторический источник.

Несмотря на то что проблема военного союза Москвы и Кёнигсберга в 1517–1522 годах кажется вполне исследованной, при ближайшем рассмотрении обнаруживаются вопросы, на которые или нет исчерпывающего ответа, или нет ответа вообще.

Например, финансовое обеспечение союза. А.Н. Лобин с привлечением документов орденского архива утверждает, что Россия фактически финансировала боевые действия Ордена против общего противника. «То есть тевтонцы хотели воевать за русские деньги» [9, с. 15]. Да, Василий III давал деньги Альбрехту. Действительно, в известных документах условия помощи не определены. Создается впечатление, что Москва дала деньги и забыла об этом.

Однако в Москве долго помнили о герцогском долге. Форстройтер утверждает со ссылкой на Эрхарда фон Кунхайма (кстати внука Лютера. Кунхаймы имели родовое поместье в Мюльхаузене, ныне пос. Гвардейское Багратионовского района) приближенного герцога Альбрехта, что некий московский посланник в 1560 году говорил о долге Кёнигсберга Москве. Об улаживании долговых обязательств шла речь и в 1573-м, и в 1600 году. Форстройтер обозначил долг в сумме 60 тыс. талеров [15, S. 106]. М. Зах утверждает, что сумма составляет 37 тыс. гульденов [18, S. 417].

В свою очередь, Н. М. Карамзин сообщает, что объем серебра, которым Москва должна была оплатить свои союзнические обязательства, составил 625 пудов [5, ст. 51]. Откуда взята эта цифра историограф не указал, как и не сообщил: сколько же серебра было отправлено в Кёнигсберг за четыре года сотрудничества? Но какие-то документы были известны ему? Возможно, эта информация извлечена Н. М. Карамзиным из тех самых «кёнигсбергских бумаг», о которых он упоминает в своем исследовании и которые ждут внимания нынешних ученых?

В XVI веке Москве было не до востребования долга, а после Смуты о нем просто забыли. В 2017 году исполняется 500 лет договорным отношениям между Москвой и Тевтонским орденом. Естественно, долг уже не востребовать. Но несомненно одно: поставка Ордену российского серебра свою роль сыграла. Да, Орден не выиграл войну. Но и не проиграл, хотя польские войска стояли у стен Кёнигсберга. Дело завершилось перемирием, а затем превращением военно-религиозного государства в светское, пусть и вассальное, но государство. Так рождалась Германия — Федеративная Республика Германия.

Список литературы

1. *Балязин В. Н.* Россия и Тевтонский орден // Вопросы истории. 1963. № 6.
2. *Ениш Г. А.* Н. М. Карамзин, Н. П. Румянцев и археография Прибалтики начала XIX в. // Исторический архив. 1960. № 6. С. 177 — 182.
3. *Зимин А. А.* Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
4. *История Российская от древнейших времен*, сочинена князем Михайлом Щербатовым. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book428416/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 30.11.2016).
5. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга вторая. М., 2010. Т. 7.
6. *Карамзин Н. М.* Там же. Т. 5. Примечания к т. 5.
7. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 1.
8. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
9. *Лобин А. Н.* Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517—1522 гг. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2014. № 1(15). С. 11 — 26.
10. *Лобин А. Н.* Послания Василия III великому магистру Альбрехту 1515 г. // SSBP. 2012. № 1. С. 141 — 152.
11. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии (1516—1520 гг.).* СПб., 1887.
12. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1879. Кн. первая. Т. 5.

13. *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен несущими трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга пятая, или по сочинителю часть четвертая древней летописи русской. URL: <http://tvereparhia.ru/biblioteka-2/t/1281-tatishchev-v-n/15954-tatishchev-v-n-istoriya> (дата обращения: 30.11.2016).

14. *Филошкин А. И.* Василий III. М., 2010.

15. *Forstreuter K.* Das Preußische Staatsarchiv in Königsberg. Ein geschichtlicher Rückblick mit einer Übersicht üstine Bestände. Göttingen, 1955.

16. *Forstreuter K.* Preußen und Rußland im Mittelalter / Die Entwicklung ihrer Beziehungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Königsberg ; Berlin, 1938.

17. *Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Theil I—III. Leipzig, 1892—1895.

18. *Sach M.* Hochmeister und Großfürst: Beziehungenzwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart: Steiner, 2002.

19. *Uebersberger H.* Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. (Verffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs). Wien ; Leipzig, 1906. Bd 1.

20. *Voigt J.* Geschichte Preussens, von den ältesten Zeiten bis zum Untergangen der Herrschaft des Deutschen Ordens. Königsberg, 1827. Bd. 1.

Gennady Kretinin, Artyom Kryukov

N. M. KARAMZIN: ON THE HISTORY OF USING THE KOENIGSBERG ARCHIVES IN HIS WORK ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN STATE

Writing his History of the Russian State N. M. Karamzin used the Russian chronicles, embassy documents, and diplomatic correspondence. He was among the first historians to turn to foreign sources, and to that end had to obtain copies of the documents shedding light on the relations between the Moscow State and the Teutonic Order in the first quarter of the 16th century. In the following years and up to the present time, however, both Russian and German researchers have been paying little attention to the analytical aspect of the Russian historiographer's work. The article deals with the the attitude to Karamzin's research activity, accentuating the significance of his work for assessing the events of 500 years ago and of today.

Key words: *N. M. Karamzin, Königsberg, Königsberg archives, relations between Moscow and the Teutonic Order, historiography, sources, history of Russia.*

Виктор Сергеев
(Калининград)

**АНГЛИЙСКАЯ ТЕМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ЕВРОПЫ» Н. М. КАРАМЗИНА
В 1802—1803 ГОДАХ**

Основным источником для написания статьи послужили первые 48 выпусков литературно-политического журнала «Вестник Европы», который был основан Н. М. Карамзиным и в 1802 – 1803 годах выходил под его руководством. Систематизируются журнальные публикации, посвященные важнейшим событиям во внешней и внутренней политике Англии. Преимущественное внимание уделено комментариям «Вестника Европы» по различным аспектам борьбы Англии против наполеоновской Франции. Они позволяют понять, с какими событиями в английской жизни Н. М. Карамзин как издатель журнала считал необходимым познакомить своих читателей.

Ключевые слова: *Англия, «Вестник Европы», Н. М. Карамзин, британское соперничество с Францией, Амьенский мир, дебаты английского парламента, морское превосходство Британии, мировая торговля Англии..*

Англия с ее насыщенной и полной драматизма историей, самобытной культурой, особенностями государственно-политического устройства и приверженностью англичан к древним традициям составляла объект постоянного внимания, интереса и размышлений Н. М. Карамзина. По его собственному свидетельству, он еще «в ребячестве своем любил» Англию. «Мне казалось, что быть храбрым есть... быть англичанином, великодушным — тоже, чувствительным — тоже; истинным человеком — тоже» [16, с. 589]. До поездки в Англию Карамзин много знал об этой стране благодаря различным литературным источникам. Среди них следует выделить сочинение немецкого просветителя К. Ф. Морица «Путешествие немца по Англии в 1782 году». Вот свидетельство самого Карамзина: «Подробное и,

можно сказать, оригинальное описание первого путешествия его, которое издал он под титулом "Reisen eines Deutschen in England" читал я с великим удовольствием» [16, с. 137]. В начале своего путешествия по Европе Карамзин встречался и беседовал с Морицем в Берлине. Он запомнил его слова: «Кто хочет видеть просвещенный народ, который посредством своего трудолюбия дошел до высочайшей степени утончения в жизни, тому надобно ехать в Англию...» [16, с. 137]. Можно предположить, что эта встреча укрепила намерение Карамзина непременно побывать на Британских островах.

Английские впечатления молодого начинающего литератора, автора «Писем русского путешественника» хорошо известны и всесторонне изучены отечественными историками, филологами и культурологами, несмотря на определенные разногласия между ними в подходах и оценках сочинения Н. М. Карамзина [14; 15; 17–22]. Значительно меньше внимания в современной российской историографии уделено освещению английской темы на страницах литературного и общественно-политического журнала «Вестник Европы», основанного Н. М. Карамзиным.

С момента выхода в свет первого номера в январе 1802 года и до 1804-го именно Карамзин был его издателем и автором большинства публикаций. «Вестник Европы» выходил дважды в месяц. В течение двух лет под редакцией Карамзина выпущено 44 номера журнала. Каждый состоял из двух разделов – «Литература и смесь» и «Политика». Английская тема преимущественно была представлена в политическом разделе, хотя иногда затрагивалась и в литературном. Она в том или ином ракурсе и объеме отражена в 56 публикациях «Вестника Европы» за 1802–1803 годы. Это обзорные статьи, содержащие аналитические и оценочные рассуждения издателя, краткие информационные материалы в рубрике «Известия и замечания», выдержки из переведенных сочинений иностранных авторов и перепечатки из английских газет о ходе парламентских дебатов.

В данной статье предпринята попытка систематизировать по тематическому принципу материалы журнала за 1802–1803 годы, посвященные Англии, и на этой основе определить, что для самого Н. М. Карамзина было наиболее существенным и с какими событиями в английской жизни он как издатель считал необходимым познакомиться своих читателей.

Одно из центральных мест на страницах «Вестника Европы» в 1802–1803 годах занимала тема соперничества Англии с Францией, от результата которого зависели во многом судьбы Европы. По замеча-

нию Н. М. Карамзина, «Англия и Франция составляют великую сцену европейской политики; когда там не делается ничего важного, мы говорим: "нет политических новостей!"» [7, с. 329].

К моменту начала издания Карамзиным своего литературно-политического журнала все внимание Европы было приковано к войне Англии против Франции, которую она после распада второй антифранцузской коалиции вынуждена была вести в одиночку. Обе воюющие стороны были истощены войной и проявляли заинтересованность в передышке. Им удалось подписать в Лондоне соглашение о перемирии 1 октября 1801 года, после чего во французском Амьене начались мирные переговоры.

В первом выпуске «Вестника Европы» Карамзин оценил условия перемирия как явно более выгодные Франции: «Англия выигрывает только один мир, платя за то почти всеми своими блестящими завоеваниями и выгодами исключительной торговли...». Он высказал предположение, что Лондон согласился на примирение с Францией, вынужденный считаться с миролюбивыми настроениями европейских держав, с возрастающей обременительностью войны для английского народа, с вероятной опасностью высадки французских войск на Британских островах и с восстанием в Ирландии [1, с. 79].

К тому же Карамзин считал, что британским властям всегда была присуща умеренность требований к своим противникам при заключении с ними мирных договоров, о чем, по его мнению, свидетельствует военная история Англии предыдущего столетия: ее участие в войнах за Испанское и Австрийское наследство, в Семилетней войне: «Испанская наследственная война кончилась в 1713 году для нее тем, что она взяла голую скалу (Гибралтар), неважный остров (Минорку) и пустую землю в Северной Америке. Австрийская война не принесла ей ничего, а стоила 50 миллионов фунтов стерлингов. После семилетней она возвратила большую часть своих завоеваний в трех частях света» [1, с. 98]. Думается, что Карамзин преувеличил умеренность британского руководства, и вряд ли можно согласиться с такой его интерпретацией результатов трех больших коалиционных войн XVIII века.

В последующих выпусках журнала Н. М. Карамзин постоянно информировал читателей о ходе англо-французских переговоров и условиях подписанного 25 марта 1802 года Амьенского трактата, дополняя в отдельных случаях эту информацию своими комментариями. Он выражал надежду на то, что «с него начинается новая эпоха не только для политики, но и для самого человечества» [1, с. 83] и воспринимал Амьенский трактат как «великий государственный феномен» [9, с. 75].

Большое внимание в публикациях «Вестника Европы» уделялось вопросу неоднозначного восприятия в Англии Амьенского мира: с одной стороны, радость народа, праздничные гулянья и фейерверки («Никогда не бывало в Лондоне столько маскарадов, как ныне. Все общества и клубы дают их, изъявляя радость свою о мире» [6, с. 361]), а с другой — острые дискуссии в кругах политической парламентской элиты. Карамзин заинтересованно следил за ходом парламентских дебатов, зачастую цитируя большие выдержки из речей в палате лордов и палате общин как сторонников примирения с Францией Фокса, Шеридана, Питта, так и их жестких оппонентов [3–6; 9]. Такие материалы знакомили подданных самодержавной Российской империи с действием совершенно иной политической системы и содержали важные сведения о самых влиятельных лидерах в британском руководстве.

Амьенский мир вопреки первоначальным ожиданиям многих в Европе оказался непродолжительным. Англия объявила Франции войну 22 мая 1803 года. Это событие не стало для издателя «Вестника Европы» неожиданным. Уже с летних выпусков 1802 года в журнале стали появляться сообщения о возобновлении конфронтации между Лондоном и Парижем, об усилении военных приготовлений в Англии и во Франции и о возможности возобновления конфликта между ними. Так, в 12-м выпуске сообщалось об англо-французских торговых разногласиях, по сути, приведших к таможенной войне [6, с. 361]. В 19-м выпуске приводилась информация о планах высадки французских войск в Британии и предположениях в европейских кругах о том, что Наполеон Бонапарт «действительно и непременно хочет завоевать Великобританию» [9, с. 234].

Главную причину возобновления войны Н. М. Карамзин связывал с нежеланием британского правительства отказываться от Мальты, что было предусмотрено Амьенским миром. В то же время он возлагал ответственность и на Францию, которая тоже нарушила мирный трактат, «торжественно обязавшись в нем хранить целость Турецкой империи, а после обнаружив намерение разделить сию империю и завладеть Египтом» [10, с. 310].

Несомненный интерес вызывают рассуждения Н. М. Карамзина относительно возможного результата англо-французского противостояния. Учитывая успехи развития промышленной и морской мощи Британии, которые он непосредственно мог наблюдать во время поездки в Лондон летом 1790 года, Карамзин считал неосуществимыми

наполеоновские планы вторжения на Британские острова и покорения Англии Францией. В статье «О силе Англии» Карамзин писал, что «могущество Англии в начале 19 века будет для отдаленнейшего потомства предметом изумления» [3, с. 256].

Свою позицию Карамзин подкрепил следующими аргументами: «Мы удивляемся, что некоторые политики с такой легкостью говорят о возможности завоевать Англию. Какое государство исчезло вдруг, будучи, подобно Великобритании, на высочайшей степени величия? Народы так скоро не переходят от славы к рабству, — от славы, которая доказывает силу их духа» [8, с. 235]. Важнейшие факторы силы и величия Великобритании Карамзин вполне естественно видел в ее морском превосходстве над всеми остальными странами и преобладании в мировой торговле. Не случайно он посчитал необходимым привести в «Вестнике Европы» «Таблицу умножения морских сил Британии» за период с 1588 по 1800 год [1, с. 98] и «Таблицу английской торговли за 12 лет» (с 1787 по 1798 год) [7, с. 326–327].

Обращает на себя внимание тот факт, что Карамзин в обзорах международной жизни обходил молчанием интересы и позицию России за двумя исключениями. В первом случае, комментируя заседания британского парламента, Карамзин косвенно затронул тему мирного посредничества России между Англией и Францией, которое английские министры «с благодарностью приняли», но которое «не имело желаемого действия» [22, с. 132]. В другой статье, характеризуя общую ситуацию в Европе, Карамзин отметил, что «в наше время только три державы играют первую роль в мире: Франция, Англия и Россия». «Судьба республики зависит от жизни консула: впереди мрак и неизвестность — величие Англии есть напряжение — а Россия есть государство новое; в начале пути силы крепки и свежи: сколько надежды для патриотической гордости» [11, с. 73].

Материалы внешнеполитического характера явно преобладали в публикациях «Вестника Европы» об Англии. И все же время от времени в журнале появлялись сведения о важнейших проблемах ее внутривнутриполитической жизни. Помимо острой политической борьбы в парламенте, парламентских выборов и разладе монарха Георга III с наследником престола герцогом Уэльским Карамзиным выделялись такие события, как «бунт матросов на разных английских кораблях», который «оставил в умах некое беспокойство» [2, с. 94], и ситуация в Ирландии после очередного неудавшегося антианглийского восстания: «Положение Ирландии все еще бедственно. Ежедневно берут лю-

дей под стражу, и казни продолжают. Ужас с отчаянием царствуют на сем острове, который можно теперь назвать самой несчастной страной на земном шаре» [13, с. 281].

В заключение необходимо отметить, что материалы «Вестника Европы» позволяют судить о степени политической информированности образованной части русского общества начала XIX века и ее отношении к важнейшим событиям внешней и внутренней политики Англии. Кроме того, их изучение весьма полезно для пополнения источниковой базы по британской истории.

Список литературы

1. *Вестник Европы*. 1802. № 1.
2. *Вестник Европы*. 1802, № 3.
3. *Вестник Европы*. 1802. № 7.
4. *Вестник Европы*. 1802. № 8.
5. *Вестник Европы*. 1802. № 11.
6. *Вестник Европы*. 1802. № 12.
7. *Вестник Европы*. 1802. № 16.
8. *Вестник Европы*. 1802. № 19.
9. *Вестник Европы*. 1803. № 1.
10. *Вестник Европы*. 1803. № 12.
11. *Вестник Европы*. 1803. № 13.
12. *Вестник Европы*. 1803. № 21 – 22.
13. *Вестник Европы*. 1803. № 23 – 24.
14. *Джанумов С. А.* Англия и англичане в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина // *Вестник Московского государственного областного университета*. Сер.: Русская филология. 2016. № 4.
15. *Зорин А. Л.* Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016.
16. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н. М. Избр. соч. М.; Л., 1964. Т. 1.
17. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1987.
18. *Серман И. З.* Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина? // XVIII век. СПб., 2004. Т. 23.
19. *Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.
20. *Соколов А. Б., Осипов А. С.* История Англии в оценках Н. М. Карамзина // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 2, т. 1. Гуманитарные науки.
21. *Чавчанидзе Д.* Два «путешествия» на исходе XVIII века (К. Ф. Мориц и Н. М. Карамзин) // Балтийский филологический курьер. 2013. Вып. 9.
22. *Шестаков В. П.* Англия глазами русских // Россия и Запад. 1996. № 6.

Viktor Sergeev

**THE ENGLISH THEME ON THE PAGES
OF N. M. KARAMZIN'S MESSENGER OF EUROPE
(VESTNIK YEVROPY) IN 1802–1803**

The article is sourced from the first 48 issues of The Messenger of Europe founded by N. M. Karamzin who was the publisher, editor and author of most articles of this literary and political journal in 1802 – 1803. The paper presents a systematised survey of the publications on the most important developments in England's foreign and domestic policy. Special attention is paid to the articles in the Messenger of Europe concerning various aspects of Britain's struggle against Napoleonic France. Those articles help to understand what N. Karamzin deemed worthwhile to inform the readers about.

Key words: *England, the Messenger of Europe (Vestnik of Europe) journal, N. M. Karamzin, British rivalry with France, the Treaty of Amiens, debates in the British Parliament, maritime superiority of Britain, England's world trade.*

Дмитрий Манкевич
(Калининград)

**НОВЫЕ И «СТАРЫЕ» ИСТОЧНИКИ
В «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»
Н. М. КАРАМЗИНА**

Предпринята попытка характеристики источниковой базы «Истории государства Российского» в контексте тенденций и достижений развития российской археографии конца XVIII – первой трети XIX века, определены некоторые особенности использования источников в тексте примечаний. Выделены важнейшие из новых источников, привлеченных Н. М. Карамзиным, сделан вывод о значительной роли «Истории» в популяризации документального наследия древней и средневековой Руси.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, «История государства Российского», источниковедение, Московский архив коллегии иностранных дел

Работа Николая Михайловича Карамзина над «Историей государства Российского» началась в тот исторический момент, когда большая часть письменных источников, связанных с историей древней и средневековой Руси, хорошо знакомых современным исследователям и даже студентам, еще не была введена в научный оборот. Несмотря на самоотверженные усилия пионеров российской историографии, просветителей и просто «ревнителей старины» – В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера, Н. И. Новикова, И. И. Голикова, А. И. Мусина-Пушкина и многих других – до конца XVIII века была опубликована лишь небольшая часть того документального фундамента, опираясь на который строили свои бессмертные произведения классики отечественной историографии XIX века [4, с. 36 – 38].

Качество этих немногочисленных изданий за редким исключением оставляло желать лучшего. В примечании к разделу «Об источниках российской истории до XVII века» своей «Истории» Н. М. Карамзин достаточно резко отозвался о практике публикации летописных текстов: «Издержали немало денег, но не сделали нужнейшего: исправного ученого *свода* летописей. Какая нужда печатать одно в двадцати книгах? Не благоразумнее ли взять за основание лучший, древнейший список, и только означить важные отметы, прибавления других» [1]? В «Лекциях по российской истории» другой известный историк — С. Ф. Платонов — весьма критически оценивал опыт российской археографии XVIII века: «Эта деятельность отличалась случайным характером, захватывала только тот материал, который, если так можно выразиться, сам шел в руки. Что же касается исторических изданий прошлого столетия, то они не выдерживают и самой снисходительной критики» [4, с. 39, 40]. Вместе с тем историк признавал, что правила публикации источников и приемы их критического анализа были разработаны в основном уже в XIX столетии.

Таким образом, на повестке дня в начале нового столетия стояла задача расширения источниковой базы исторических исследований не только за счет совершенствования научно-справочного аппарата российских архивов, но и путем выявления, издания, популяризации документального наследия, сохранившегося в центральных архивохранилищах, частных собраниях, ведомственных канцеляриях, монастырях. Эта задача требовала мобилизации серьезных кадровых и финансовых ресурсов, кропотливой работы не одного поколения архивистов и историков. Весомый вклад в реализацию этого грандиозного начинания внес и Н. М. Карамзин [5, с. 175 — 177].

Создание «Истории государства Российского» потребовало от Николая Михайловича освоения огромного массива документов, многие из которых были впервые введены им в научный оборот. Как историограф Карамзин получил право пользоваться архивами Российской империи «невозбранно» (без ограничений) и стал, таким образом, одним из немногих исследователей русской истории, допущенных в первой четверти XIX века к работе с архивными документами.

Несмотря на то, казалось бы неограниченный доступ к архивным собраниям, Николай Михайлович в основном использовал документы Московского архива коллегии иностранных дел — первого исторического архива России, «дедушки российских архивов», у истоков которого стоял Герард Фридрих Миллер. Эта избирательность не была случайной.

Во-первых, Московский архив коллегии иностранных дел был настоящей сокровищницей: здесь хранились документы Посольского приказа, важнейшие международные договоры и внешнеполитические акты Московского государства, царские грамоты и др. Его профиль в наибольшей степени соответствовал задачам и хронологическим рамкам «Истории государства Российского»

Во-вторых, именно этот архив был настоящим научным и методическим центром русской археографии: здесь работали Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский — крупнейшие археографы конца XVIII — первой трети XIX века. Под их руководством проводилась титаническая работа по разбору, систематизации документов архива и изданию наиболее ценных из них. В 1811 году при архиве на средства канцлера Н. П. Румянцева была организована Комиссия по изданию государственных грамот и договоров. В начале XIX века система исторических архивов в России только формировалась, параллельно шло развитие и архивного дела. Хранение не актуальных для решения текущих задач документов во многих архивах не отвечало даже минимальным требованиям, что часто приводило к порче рукописей, нередко — к гибели документальных комплексов. Московский архив был наиболее упорядоченным и удобным для использования в интересах исследовательской деятельности.

В-третьих, Московский архив коллегии иностранных дел имел внушительный штат опытных сотрудников, которые могли оказать Карамзину профессиональную помощь. «Первый историк и последний летописец» имел возможность использовать результаты археографических разысканий К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, А. Н. Оленина, А. И. Ермолаева. Константин Федорович Калайдович и Павел Михайлович Строев с 1817 по 1820 год посетили книгохранилища Московской и Калужской епархий, в ходе экспедиций они нашли тексты Изборника Святослава (1073), «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, описали более 2 тысяч рукописей. Близкое знакомство Калайдовича и Строева с рукописными памятниками стало просто бесценным для Карамзина.

При работе над главным произведением в своей жизни Н. М. Карамзин активно использовал возможности библиотеки Синода с ее богатой коллекцией летописей, Библиотеки Академии наук, Императорской Публичной библиотеки, а также крупные частные рукописные собрания России того времени: А. И. Мусина-Пушкина, Ф. А. Толстого, Н. П. Румянцева.

Общая характеристика и классификация источников, использованных при создании «Истории государства Российского», была представлена автором в специальном разделе введения к первому тому («Об источниках российской истории до XVII века»). Весь комплекс документальных свидетельств Н.М. Карамзин классифицировал на 14 категорий: летописи, Степенная книга, хронографы, жития святых, «особенные дееписания» (отдельные тексты), разряды (разрядные книги), родословные книги, каталоги митрополитов и епископов, послания деятелей церкви, «древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы», грамоты, «собрание Статейных списков и Посольских дел», иностранные летописи и записки иностранных путешественников, документы зарубежных архивов.

Центральное место среди источников «Истории государства Российского» занимают летописи, пожалуй, самый популярный во второй половине XVIII века вид исторических документов. К летописям, судя по тексту своего труда, историк испытывал трепетное отношение, считал, что летописцы «к счастью, не вымышляли», но сетовал на их избирательность при работе над текстом летописей.

Карамзин использовал около 40 летописей: это почти в два раза больше, чем создатель «Истории Российской от древнейших времен» М.М. Щербатов. Среди летописей, введенных в научный оборот Карамзиным, почетное место занимает Ипатьевский летописный свод — древнейший памятник южнорусского летописания, обнаруженный им в 1809 году в библиотеке Академии наук. Точнее, был найден так называемый Академический список этого свода, датированный концом 1420-х. Помимо «Повести временных лет» в составе данного свода выделяют Киевскую и Галицко-Волынскую летописи.

В библиотеке графа Н.П. Румянцева и в собрании историка Г.И. Спаского Карамзиным были обнаружены сибирские летописи — Есиповская и Строгановская. Карамзин активно использовал Троицкую летопись, обнаруженную еще Г. Миллером, и включил в примечание к своему труду обширные цитаты из этого летописного памятника, утраченного вследствие московского пожара 1812 года.

Не обошел вниманием он и другие летописи, в том числе хорошо известные историкам-современникам: Лаврентьевскую, Радзивилловскую, Воскресенскую, Хлебниковский список. Наибольший скепсис Карамзина вызывал ряд сообщений Никоновской летописи — следствие, как он полагал, «вставок бессмысленных переписчиков».

В «Истории государства Российского» читатели могли впервые познакомиться с широко известными сегодня юридическими памятни-

ками средневековой Руси — «Кормчей книгой», новгородского Судной грамотой, Судебником Ивана III, «Стоглавом». Судебник Ивана III в русской редакции был найден Калайдовичем и Строевым только в 1817 году в Волоколамском монастыре. Поэтому при подготовке первого издания «Истории» Карамзин использовал латинский перевод статей Судебника, выполненный С. Герберштейном, во втором издании — текст Судебника, обнаруженный в 1817 году.

Изыскания Н.М. Карамзина существенно расширили список произведений иностранных авторов, посещавших или пересекавших Русь в XIII—XVII веках. К числу наиболее примечательных следует отнести сочинения Платона Карпини, Гильома де Рубрука, Контарини, уже упомянутого Герберштейна, Яна Длугоша, Жака Маржерета, Петра Петрея и др.

В 1808—1816 годах по инициативе Николая Михайловича была организована работа по копированию документов Кёнигсбергского архива, раскрывающих подробности дипломатических, торговых и военных контактов Новгорода, Московского государства и Ливонского Ордена в XV—XVI веках. Автор «Истории государства Российского» высоко оценивал значение «кёнигсбергских бумаг» в раскрытии тайн внешнеполитической истории Московской Руси.

Н.М. Карамзиным были выявлены и опубликованы (полностью или частично, в примечаниях) новые источники о правлении Федора Ивановича и Бориса Годунова, о начальном этапе Смуты и восстании И.И. Болотникова.

Новые источники обильно цитировались в примечаниях к «Истории государства Российского» и таким образом происходила их частичная публикация. В примечаниях нашли свое место новые списки Русской Правды, публицистические сочинения Кирилла Туровского, памятники местного летописания, обширные фрагменты из записок иностранцев, ряд литературных произведений, в том числе агиографического жанра. В примечаниях был помещен и пересказ «Слова о полку Игореве», выполненный, видимо, на основе собственного перевода Карамзина [1].

Обширные примечания, подготовленные Карамзиным, вызвали неподдельный интерес историков-современников, стали не только важным дополнением основного текста «Истории государства Российского», но и во многом самостоятельным произведением, своеобразной хрестоматией истории средневековой Руси. В примечаниях выносились не только крупные фрагменты источников, но и альтернативные описания, оценки, сведения, казавшиеся автору спорными или просто не уместными в основном тексте, в котором, по словам В.О. Ключ-

чевского, Карамзин «не объяснил и не обобщил, а живописал, морализировал и любовался, хотел сделать из истории России не похвальное слово русскому народу, как Ломоносов, а героическую эпопею русской доблести и славы» [2, с. 276].

Меткая характеристика этой важнейшей части «История государства Российского» принадлежит В. П. Козлову: «"Примечания" — первая и наиболее полная, в большинстве случаев подготовленная на лучшем уровне эдиционной культуры начала XIX в. хрестоматия источников по русской истории до начала XVII в. Одновременно это — "ученая часть" "Истории государства Российского", в которой Карамзин стремился подтвердить свой рассказ о прошлом Отечества, разобрал мнения предшественников, спорил с ними, доказывал собственную правоту» [3]. Оригинальный вариант публикации источников, избранный Н. М. Карамзиным, позволял ему, не изменяя первоначальному замыслу создания «эпопеи русской доблести», использовать свой труд для популяризации «словесных памятников прошлого», недоступных для большинства потенциальных читателей.

Научная публикация документов российской истории в первые десятилетия XIX века только набирала обороты. В 1813 году вышел в свет первый том Сборника государственных грамот и договоров, подготовленный коллективом под руководством Н. Н. Бантыш-Каменского на средства Н. П. Румянцева, до 1828 года было выпущено еще три тома. Следующая волна публикации источников пришлась уже на вторую половину 1830-х и 1840-е годы и стала результатом эпохальных по своему значению экспедиций Строева, а также кропотливой работы его учеников, особенно Н. В. Калачова и И. Е. Забелина [4, с. 45–50].

Таким образом, Н. М. Карамзин действительно был одним из тех «колумбов», которые не только открывали историю России для читающей публики, но и прокладывали путь новым поколениям историков-профессионалов.

Список литературы

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. URL: http://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/toc_igr_kn1.htm (дата обращения: 10.01.2017).
2. Ключевский В. О. Н. М. Карамзин // Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. М., 1987. Т. 7. С. 274–279.
3. Козлов В. П. Н. М. Карамзин — историк. URL: http://rvb.ru/18vek/karamzin/4igr/03articles/2_kozlov.htm (дата обращения: 10.01.2017).
4. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2008.
5. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.

Dmitry Mankevich

NEW AND "OLD" SOURCES
IN N. KARAMZIN'S HISTORY OF THE RUSSIAN STATE

*The article attempts to characterize the sources N. Karamzin used for his major historical work *The History of Russian State* in the framework of Russian archaeography, its development and achievements in the late 18th – early 19th centuries. The most important of the new sources N. Karamzin used are investigated, including referencing in footnotes. It is concluded that the *History of the Russian State* played a considerable role in the popularization of documental heritage of ancient and medieval Russia.*

Key words: *N. M. Karamzin, the History of the Russian State, source study, Moscow Archives of the School of Foreign Affairs.*

*Людмила Жданович
(Калининград)*

Н. М. КАРАМЗИН О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Проанализировано педагогическое наследие Н. М. Карамзина, историка и крупного общественного деятеля Российской империи. Предметом исследования стали взгляды Н. М. Карамзина на проблемы отечественного образования, а также идейного и семейного воспитания в России конца XVIII – первой четверти XIX века. Особое внимание уделено публицистическим произведениям Н. М. Карамзина, написанным в разные периоды его жизни, в которых историк изложил свою позицию по проблемам образования и воспитания.

***Ключевые слова:** Н. М. Карамзин, Александр I, народное образование, воспитание, традиции, патриотизм, реформы.*

 русский историк первой половины XIX века Николай Алексеевич Полевой назвал Н. М. Карамзина «писателем не нашего времени». Подобные оценки нередко можно встретить в трудах историков, младших современников Николая Михайловича Карамзина. Однако «последний летописец» во многом опередил свое время и одним из первых привлек внимание общественности к ряду проблем современной ему российской действительности. Более того, несмотря на то что историк жил два столетия назад, его слова и мысли о воспитании и образовании, их роли в развитии общества и государства не утратили значения и в настоящее время. В этой связи интересным представляется высказывание известного публициста и литературного критика П. А. Вяземского, анализировавшего литературное и научное наследие Н. М. Карамзина. «Слова Карамзина еще не устарели, пережитые действительностью. Пора действительности еще не настала; читая его, можно думать, что читаешь страницу из вчера вышед-

шей книжки русского журнала», — отмечал П. А. Вяземский в 1873 году [1, с. 364]. Эти слова, написанные спустя полвека после смерти историка, с полным правом можно отнести и к современности.

Просвещение есть палладиум благодравия. Данное утверждение как нельзя лучше иллюстрирует позицию одного из самых известных историков и представителей общественной мысли России начала XIX века. Согласно Н. М. Карамзину, воспитание и образование — два столпа, на которых зиждется благополучие государства и нравственность народа. Они взаимосвязаны и не могут существовать отдельно друг от друга. «Образование есть корень государственного величия, и без которого самые блестящая царствования бывают только личную славою Монархов, не отечества, не народа» [6, с. 50]. «Воспитание — есть основание частного и государственного благоденствия» [7, с. 363].

Современному читателю может показаться, что историк излагал вполне понятные, давно устоявшиеся истины, однако в начале XIX века подобные мысли в определенной степени все еще были новшеством. Наряду с И. И. Бецким и Н. И. Новиковым, Н. М. Карамзин был одним из первых, кто сделал предметом публичного обсуждения вопросы воспитания и образования в России, те нравственные проблемы, с которыми столкнулось российское общество на рубеже столетий. К данной тематике Николай Михайлович Карамзин будет возвращаться на протяжении всей жизни. В публицистических статьях и заметках он вновь и вновь отмечал важность и значимость просвещения для развития государства и народа, при этом историк не просто погружался в теоретические рассуждения общего характера, но пытался дать оценку конкретной российской действительности. В «Вестнике Европы» — журнале, заложившем основы российской журналистики, он опубликовал ряд статей-откликов на первые реформаторские шаги на ниве просвещения правительства императора Александра I. Значительно позже, уже всецело посвятив себя изучению отечественной истории и став официальным историографом, Н. М. Карамзин вновь обратился к данной теме. Немалая часть широко известной в наше время «Записки о древней и новой России», написанной историком в 1811 году, также была посвящена анализу правительственной политики в сфере образования.

В отличие от своего старшего современника И. И. Бецкого Н. М. Карамзин не был педагогом-теоретиком. Он не оставил специальных теоретических трудов по педагогике, однако в его публицистических произведениях можно встретить немало интересных высказываний, так или иначе затрагивающих общие и частные проблемы воспитания

и образования. Характеризуя взгляды Н. М. Карамзина, следует отметить, что историк напрямую связывал прогресс человеческого общества с просвещением, однако не пытался свести его исключительно к распространению знаний. Просвещение Н. М. Карамзин понимал гораздо шире, тесно связывая образование с воспитанием. Он утверждал, что источником личного успеха человека и величия государства в целом является правильное воспитание, ведь «давно называют свет бурным океаном, но счастлив [тот], кто плывет с компасом! А это дело воспитания» [8, с. 274].

Воспитание достойного гражданина, по мнению историка, складывалось из нескольких составляющих. Среди них Н. М. Карамзин выделял нравственность, религию и, особенно, патриотизм. Однако важнейшую роль в воспитании всегда играла и будет продолжать играть семья. «Наконец скажем, что без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы» [8, с. 275]. Он был твердо уверен, что основы нравственного воспитания человеку дает именно семья. При этом семейное воспитание — это не право, это «долг гражданина, обязанного в семействе своем образовать достойных Сынов отечества».

Следуя данному утверждению, Н. М. Карамзин выступил с резкой критикой системы воспитания, сложившейся в российской дворянской среде на рубеже столетий. Характеризуя Россию конца XVIII века в «Записке о древней и новой России», он отмечал: «...У нас были академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и великая монархия, — не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни» [2, с. 43]. Одну из причин подобного положения Н. М. Карамзин видел в том, что «чужеземцы овладели у нас воспитанием». По его мнению, воспитатель-иностранец не мог дать своему подопечному хорошее воспитание, потому что не был способен понять русский народный характер, Россию и ее историю, а потому лишен возможности «воспалить в ученике искры патриотизма» [7, с. 363]. А патриотизм у Карамзина, как мы помним, — неотъемлемая часть воспитания. Подчеркивая роль семьи в воспитании, выделяя неразрывную связь между воспитанием и патриотизмом, воспевая нравственные идеалы, историк был одним из тех, кто вольно или невольно закладывал основы педагогической науки в России.

Поддерживая государственное и общественное устройство Российской империи, Николай Михайлович Карамзин был сторонником всеобщего обучения и подчеркивал, что на протяжении долгого времени

именно невежество позволяло властям держать народ в повиновении и властвовать спокойно. «Сие золотое солнце сияет для всех на голубом своде, и все живущее согревается его лучами; сей текущий кристалл утоляет жажду и властелина, и невольника. Все люди имеют душу, имеют сердце: следственно все могут наслаждаться плодами искусства и науки» [4, с. 140].

Историк всячески отмечал благодетельность просвещения для всех сословий российского общества, хотя и не был всецело сторонником всеобщего равенства. Однако, поднимая вопрос равенства, он отмечал: «Не все могут быть воинами и судьями, но все могут служить отечеству. Герой разит неприятелей или хранит порядок внутренний, судья спасает невинность, отец образует детей, ученый распространяет круг сведений, богатый сооружает монументы благотворения, господин печется о своих подданных, владелец способствует успехам земледелия: все равно полезны государству» [8, с. 277]. В этой связи можно привести еще одно высказывание П. А. Вяземского, выступавшего против того, чтобы Н.М. Карамзина, с которым его связывала тесная многолетняя дружба, называли «политическим старовером». Он отмечал, что «Карамзин не замыкал народ в известных и не перешагиваемых гранях: он ни граждан не закреплял к неизменному веку строю, ни земледельцев не закреплял вечно к земле. Он понимал, что тем и другим должно прорубить новые просеки, раскрывая новые горизонты, но под одним условием, а именно Просвещения. В этом слове заключается все» [1, с. 362].

Н.М. Карамзин был также сторонником развития женского образования, приветствуя первые шаги на этом поприще, сделанные в царствование Екатерины Великой. Рассуждая о женском образовании в «Историческом похвальном слове Екатерине II», Н.М. Карамзин отмечал: «Нравственность есть главный предмет, но и разум должен обогащаться всеми знаниями, всеми идеями, нужными для того любезного существа, которое должно быть сокровищем супруга и первым наставником детей» [3]. Таким образом, он вновь связывал образование и воспитание, подчеркивая роль семьи и в первую очередь роль женщины в воспитании детей.

Как уже отмечалось, историк активно приветствовал реформаторские начинания власти в области просвещения на страницах журнала «Вестник Европы», однако уже тогда, в первые годы наступившего XIX века, не страшился эту власть критиковать. С течением времени критика становилась все жестче. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в «Записке о древней и новой России», которая в историче-

ской литературе долгое время воспринималась и продолжает восприниматься как своего рода манифест противников перемен. В «Записке» досталось всем: и «министерству так называемого просвещения», которое «в России донныне дремало, не чувствуя своей важности и как бы не ведая, что ему делать, а пробуждалось, от времени и до времени, единственно для того, чтобы требовать денег, чинов и крестов от государя», и российскому ученому сообществу, и М. М. Сперанскому, и самому императору Александру I [2, с. 67].

Анализируя политику власти в области просвещения, М. Н. Карамзин выступал против слепого заимствования западной модели образования и воспитания, перенимания формы, пренебрегая ее содержанием. «Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства», — гласят строки «Записки о древней и новой России». В чем же состоят, согласно Н. М. Карамзину, упомянутые им иные обстоятельства? Историк подчеркивал, что недостаточно основать множество школ, гимназий и университетов, организовать ученые общества и призвать знаменитых иноземных астрономов и филологов. Это не решит всех проблем, потому что образование в России начала XIX века по-прежнему оставалось недостаточно востребованным обществом. Главная мысль, которую стремился донести Н. М. Карамзин, состояла в том, что реформирование системы образования необходимо было начинать с самых низов. Он был уверен, что учреждение сельских школ «несравненно полезнее всех лицеев, будучи истинным народным учреждением, истинным основанием государственного просвещения». Каждый человек должен овладеть азами грамоты, потому что «между людьми, которые умеют только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо более расстояния, нежели между неучеными и первыми Метафизиками в свете» [6, с. 56].

Н. М. Карамзин также утверждал, что не были созданы условия для нововведений, осуществляемых правительством, поэтому те зачастую приносили больше «убытка для казны, нежели выгод для Отечества». Историк отмечал, что реформаторы поспешили пригласить иностранных профессоров, «не приготовив учеников», что «между первыми много достойных людей, но мало полезных». Н. М. Карамзин резко критиковал царившее в обществе пренебрежительное отношение к труду и положению учителей, предлагая повысить их статус и «сравнять выгоды учительского звания с выгодами чинов». В то же время он сокрушался по поводу недостаточной подготовки учителей в России. «У нас не будет совершенного морального образования, пока

не будет русских хороших учителей», — писал он. При этом Н. М. Карамзин не ограничивался исключительно критикой, а размышлял о способах улучшить качество подготовки народных учителей. В частности, историк полагал, что большую часть средств, выделенных правительством на приглашение иностранных ученых, следовало потратить на увеличение числа гимназистов, учившихся за государственный счет. «Скажем, что если в Москве и в каждом ученом округе России будет от трех до пяти сот воспитанников на казенном или общественном содержании, то через 10 или 15 лет университетским правлениям останется только выбирать достойнейших из них до звания учителей», — писал он в статье «О верном способе иметь в России довольно учителей», опубликованной в журнале «Вестник Европы» [2, с. 66; 5, с. 322].

Призывая власть сконцентрировать основные усилия на развитии начального и среднего образования, Н. М. Карамзин не обделял вниманием и изменения в системе высших учебных заведений. Он одобрительно отнесся к правительственным реформам, провозгласившим создание учебных округов и автономию университетов, полагая, что «мысль отделить учение от других частей государственных, как систему особенную и целую, есть мудрая и благодетельная», потому что «ученые места должны зависеть только от ученых», однако раскритиковал систему, при которой профессура была обременена массой хозяйственных и других посторонних дел, потому что чиновники Министерства народного просвещения стремились переложить часть своих обязанностей на плечи ученых мужей [6, с. 57].

В отечественной исторической науке Н. М. Карамзин нередко подвергался критике за его позицию по отношению к разработанному по инициативе М. М. Сперанского указу об экзаменах на чин от 6 августа 1809 года. В «Записке о древней и новой России» он с крайней язвительностью и иронией отзывался не только о самом указе, но и об его авторе, применив для этой цели свой немалый литературный талант. «Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью!» — восклицал он на страницах «Записки». Однако подобное высказывание вопреки распространенному мнению вовсе не означало неприятие историком самой идеи введения обязательного образовательного ценза для чиновников. Еще в 1803 году в статье «О новом образовании народного просвещения в России» Н. М. Карамзин выражал надежду на то, что «через 5 лет никто уже не будет определен к должности, требующей юридических и других познаний, не доказав, что он приобрел их систематическим учением» [6, с. 59].

Не изменил он своим убеждениям и годы спустя. В «Записке» он соглашался с тем, чтобы «молодые люди, вступая в службу, были обязаны предъявлять свидетельство о своих знаниях». Отличие состояло в том, что он считал неправильным применять подобный подход к тем, «кто уже давно служит», потому что «он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанного законом; а вы нарушаете сей контракт государственный» [2, с. 69]. Н.М. Карамзин прекрасно понимал, что главной причиной принятия данного указа было стремление правительства увеличить количество учащихся в учебных заведениях, особенно за счет представителей дворянского сословия, так как государство остро нуждалось в квалифицированных специалистах, однако не считал правильными те методы, с помощью которых действовал тот же М.М. Сперанский, осуждая поспешность многих реформ, а также отказ учитывать человеческий фактор и особые условия российской действительности. Он был твердо уверен, что нельзя пренебрегать людьми, отдавшими десятилетия своей жизни государственной службе и утверждал, что законодатель должен смотреть на вещи с разных сторон, а не с одной, «иначе, пресекая зло, может сделать еще более зла». С этими замечаниями автора «Записки» при всей их категоричности трудно спорить.

Подводя итоги, можно согласиться с русским педагогом и ученым П. Д. Шестаковым, в 1866 году назвавшим Н.М. Карамзина истинным воспитателем молодого поколения. В этой связи необходимо отметить, что одну из своих публицистических статей автор «Истории государства Российского» завершил следующими словами: «Меня не будет — но память моя не совсем охладет в мире; любезный, нежно образованный юноша, читая некоторые мысли, некоторые чувства мои, скажет: он имел душу, имел сердце!» [4, с. 142]. В год празднования 250-летнего юбилея со дня рождения Н.М. Карамзина можно с уверенностью утверждать, что это предсказание выдающегося писателя, историка и общественного деятеля России конца XVIII — начале XIX века сбылось.

Список литературы

1. *Вяземский П. А.* Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 345–373.
2. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.
3. *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II. URL: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_istoricheskoe_pohvalnoe_slovo.html (дата обращения: 10.01.2017).

4. Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н. М. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 122–142.

5. Карамзин Н. М. О верном способе иметь в России довольно учителей // Вестник Европы. 1803. №8. С. 317–326.

6. Карамзин Н. М. О новом образовании народного просвещения в России // Там же. №5. С. 49–61.

7. Карамзин Н. М. О новых благородных училищах, заводимых в России // Там же. 1802. №8. С. 358–366.

8. Карамзин Н. М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Н. М. Карамзин. Избр. соч. : в 2 т. М. ; Л., 1964. Т. 2. С. 268–277.

Liudmila Zhdanovich

N. M. KARAMZIN ON UPBRINGING AND EDUCATION IN RUSSIA

The article is dedicated to Nikolai Karamzin, a historian and a major public figure of imperial Russia. His various achievements make him a figure of lasting significance and continuing interest. The subject of the research is N. M. Karamzin's views on the matters of public education and of ideological and family upbringing in the late 18th – early 19th-century Russia. Special attention is paid to N. M. Karamzin's various political essays that addressed the country's educational problems. Another focus is on Karamzin's The Memoir on Old and New Russia.

Key words: *N. M. Karamzin, Alexander I, public education, upbringing, traditions, patriotism, reforms.*

Об авторах

Панофски Герда — доктор философии, заслуженный профессор Принстонского университета (США), panofsky@ias.edu

Гильманов Владимир Хамитович — доктор филологических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), gilmanov.wladimir@rambler.ru

Полх Павел Петрович — кандидат исторических наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), p.polkh@mail.ru

Кретинин Геннадий Викторович — доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), gvkretinin@gmail.com

Крюков Артем Игоревич — студент Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), kryukov.ai39@gmail.com

Сергеев Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), viktsergeev@yandex.ru

Манкевич Дмитрий Владимирович — старший преподаватель Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), hist-study@mail.ru

Жданович Людмила Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград), LZHdanovich@kantiana.ru

About the authors

Prof. Panofsky Gerda – Princeton University (USA), panofsky@ias.edu

Prof. Vladimir Gilmanov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), gilmanov.wladimir@rambler.ru

Dr Pavel Polkh – Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), p.polkh@mail.ru

Prof. Gennagy Kretinin – Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), gvkretinin@gmail.com

Artem Kryukov – student, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), kryukov.ai39@gmail.com

Prof. Victor Sergeev – Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), viktsergeev@yandex.ru

Dmitry Mankevich – Senior Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), hist-study@mail.ru

Dr Ludmila Zhdanovich – Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), LZHDanovich@kantiana.ru

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

2016

№ 4

Редактор *В. Г. Арутюнян*. Корректор *И. А. Смирнов*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 08.08.2017 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 5,9
Тираж 100 экз. (1-й завод 48 экз.). Заказ 166

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

